

Дракон и Джордж

Гордон Диксон

Дракон и Джинн

1995

Диксон Г.

Дракон и Джинн / Г. Диксон — 1995 — (Дракон и Джордж)

В старой доброй Англии наконец – то все спокойно, и рыцарь – дракон Джим Эккерт отправляется за море – в Святую Землю, чтобы помочь своему другу сэру Брайану отыскать пропавшего без вести отца его нареченной. Другьям предстоят схватки с пиратами и морскими великанами, а в Святой Земле их ожидает могущественнейший из магов – великий Джинн...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	14
Глава 4	22
Глава 5	29
Глава 6	35
Глава 7	40
Глава 8	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Гордон Диксон

Дракон и Джинн

Крейгу Диксону и тем, кто его любит

Глава 1

Шесть дней и ночей ветер все дул и дул с северо-запада. Закутанные в тепло слуги собирались по своим комнатам и прислушивались к завыванию ветра, в котором им чудились голоса темных сил, предрекающие несчастья. Ветер дул, пока не нанес глубокие сугробы у куртины замка, и кому-то из слуг приходилось спускаться по веревке с крепостной стены, чтобы разгрести снег и освободить ворота.

Наконец ветер стих, и на один день воцарилось голубое небо, лютый мороз и мертвая тишина. Затем ветер подул снова, с еще большей силой, теперь с юго-востока, и на второй день пронес сэра Брайена Невилл-Смита через открытые на этот раз ворота Маленконтри.

Кузнец и один из стражников сопроводили сидящего верхом Брайена через двор ко входу в большой зал замка, помогли ему спешиться и сколоть лед с доспехов. Стражник повел коня в теплую конюшню, а кузнец, занимавший в замке более высокое положение, направился вместе с сэром Брайеном в большой зал, идя чуть впереди гостя, чтобы возвестить о его прибытии.

Но кузнецу не удалось отличиться. Едва вступив в зал, вошедшие увидели леди Анджелу Эккерт, жену сэра Джеймса Эккерта, владельца Маленконтри. Она сидела за полуденной трапезой и мгновенно узнала вновь прибывшего.

– Брайен! – воскликнула она из дальнего конца зала. – Откуда ты взялся?

– Снаружи, – сказал Брайен. Он всегда все понимал буквально.

Брайен направился к столу, стоящему на помосте в глубине зала. За трапезой Энджи сидела одна на возвышении, как и подобало хозяйке дома. Два других стола для столующихся рангом ниже были пусты.

– Вижу, – сказала Энджи, понижая голос, когда Брайен подошел к помосту. – Но откуда ты отправился в путь?

– Из замка Смит. Из дома, – ответил Брайен с ноткой раздражения. Откуда же еще он мог явиться, к тому же в конце января после сильной пурги?

Но раздражение было мимолетным. Он уже пялил глаза на еду и питье, стоящие перед Энджи на высоком столе. То, что Энджи, которая, как и ее муж Джим, каких-то три года назад была невольной перенесена из двадцатого века в нынешний четырнадцатый, считала временем ленча, для Брайена было временем обеда. Обед же для Брайена означал обильную пищу, а у него ничего не было во рту с самого завтрака, и то преждевременного – этим холодным утром, на рассвете.

– Присаживайся, поешь и выпей чего-нибудь, – предложила Энджи. – Ты, должно быть, продрог до костей.

– Ха! – выдохнул Брайен. Его глаза заблестели – давно бы так!

Прислуживающая за столом челядь уже готовила ему место в конце стола, за которым в центре – на месте хозяйки дома – восседала Энджи. Как только Брайен сел, еще один слуга прибежал из буфетной с дымящимся кувшином, из которого налил горячего вина в стоящий перед Брайеном большой квадратный металлический кубок.

– Горячее вино, надо же! – радостно вскричал Брайен.

Он сделал несколько глотков, чтобы распробовать то, о чем ему уже давно поведал его нос. Поставив кубок на стол, он устремил на Энджи взгляд, исполненный явной доброжела-

тельности. Другой слуга поставил перед ним запеченное в тесте мясо и ложкой положил приличную порцию на толстый кусок хлеба из муки грубого помола, служивший тарелкой. Брайен одобрительно кивнул, после чего отправил в рот самый большой кусок мяса и аккуратно вытер руки лежащей рядом салфеткой.

– Я думал, когда ты одна, Анджела, то обедаешь у себя в комнате, – сказал Брайен, справившись с мясом.

– Обычно я так и делала, – сказала Энджи. – Но здесь удобнее.

Она встретила с Брайеном глазами, и они обменялись взглядами, полными взаимопонимания. Двадцатый век и век четырнадцатый пришли к согласию.

Все дело в слугах. Энджи было бы намного приятней есть в личных покоях лорда и леди замка – комнате, расположенной в верхней части башни Маленконтри.

Комната была теплой и благоустроенной: в окна вставлены настоящие стекла, защищающие от непогоды, пол с подогревом, сконструированным по типу гипокауста, использовавшегося еще первыми римскими завоевателями Британии, но забытого в средние века. О гипокаусте вспомнил муж Энджи. Суть конструкции заключалась в том, что в пространстве между насланными в два слоя каменными полами циркулировал воздух, нагреваемый многочисленными каминами за пределами комнаты.

Современный большой камин был и в самой комнате – он не только обогревал помещение, но и украшал его.

Разумеется, камины имелись и в большом зале. Целых три, и притом огромные. Один из них размещался позади высокого стола, за которым сидела Энджи, а два других внизу, посередине длинных стен. Сейчас, когда Энджи обедала здесь, все три камин ярко горели, но в зале все-таки было холодно.

Места за высоким столом имели преимущество – близость к буфетной, что позволяло доставлять пищу горячей. И хотя слуги не выражали недовольства, когда эти места пустовали, и не просили хозяев есть с подобающим им приличием в зале, Джим и Энджи, вопреки своим желаниям, по крайней мере полуденную трапезу старались вкушать здесь.

Существовали незримые границы того, что могли позволить себе лорд и леди, даже если лорд являлся известным рыцарем и магом. Те, кто служил феодалам, были готовы выполнить любой приказ. Солдаты шли вперед и умирали за своего господина. Но никто – ни слуги, ни солдаты, ни арендаторы, ни крепостные – не мог пойти против обычая. Когда говорил обычай, подчинялся каждый, даже сам король, восседавший на троне.

И здесь, в Маленконтри, эта всеобщая приверженность обычаю, о которой не говорили, но которая витала в воздухе, в конце концов одолела и Энджи с Джимом. Лорд и леди такого замка, как этот, должны совершать свою полуденную трапезу определенным образом и в определенном месте. Для этого и существовал большой зал. То, что подававшие на стол слуги могли замерзнуть по пути из кухни в буфетную, никого не интересовало. Существовал определенный порядок вещей, и каждый должен был ему следовать.

– Где Джеймс? – спросил Брайен, изрядными кусками мяса и добрыми глотками вина немного утолив голод.

– Ненадолго отлучился, – ответила Энджи. – Он сейчас там. – Она подняла палец вверх.

– Да-да, – отозвался Брайен в знак того, что понял. Жест, который мог бы поставить в тупик постороннего или даже означать, что муж Энджи покинул этот бранный мир, был исполнен смысла и понятен обоим.

– Джим посчитал, что следует взглянуть на наших людей за пределами замка, – сказала Энджи, – и убедиться, что они не пострадали от пурги.

– Тогда, с позволения миледи, я подожду, пока он не вернется, – сказал Брайен, – а потом расскажу вам обоим новость, о которой приехал сообщить. Мне хочется, чтобы вы оба при

этом присутствовали. Это на самом деле важная новость. Ты извинишь меня, если я не сообщу о ней сейчас?

– Разумеется, – ответила Энджи.

Несмотря на вежливый вопрос, прозвучавший в конце маленькой речи Брайена, Энджи знала, что Брайен ничего не скажет, пока не вернется ее муж. Пока это была закрытая информация. Если Брайен хочет говорить с ними обоими, значит, ему что-то нужно от Джима. Опыт подсказывал Энджи, что в таких случаях надо быть готовой к отпору. Кто предупрежден, тот вооружен.

– Он скоро вернется, – сказала она.

Глава 2

В это время Джим облетал юго-восток земель, которыми он владел как сэра Джеймс Эккерт, барон Маленконтри. Это были в основном ровные луга, занятые фермерскими хозяйствами, и Джим обозревал белесый ландшафт внизу в поисках домов немногих арендаторов и фермеров, живших вдали от замка. Джим хотел узнать, не нуждаются ли они в помощи после прошедшей пурги.

Он испытывал настоящее наслаждение от передвижения по воздуху. Странно, как он забывал об этой тихой радости, когда еще не мог превращаться в дракона, и как обострилось это чувство теперь, когда он познал вкус высоты. Летать так, как он летает сейчас, нравилось Джиму гораздо больше, чем управлять маленьким самолетом, на котором он брал уроки пилотажа еще в двадцатом веке, даже больше, чем парить на планере, на котором ему дважды довелось летать пассажиром. Сейчас полет был его жизнью, ощущением, что он может слиться с воздушными потоками, а это давало ликующее чувство свободы и могущества.

В обличье дракона, при гораздо большем отношении массы тела к площади поверхности, чем у человека, Джим не боялся холода. Вот с жарой было хуже. Он чуть не расплавился, когда однажды оказался летом в центре Франции. Струи холодного воздуха, обтекающие сейчас его тело, были ему только приятны.

Он чувствовал бодрость до самых кончиков огромных крыльев, которые далеко простирались по обе стороны тела, давая возможность парить в воздухе. Он именно парил, а не летел, как большинство крупных птиц, потому что для поддержания тела в воздухе одними взмахами крыльев требовался бы большой расход энергии. Набрав нужную высоту, он мог использовать воздушные потоки, изменяя форму своих крыльев. Так парусник может варьировать косыми и прямоугольными парусами, чтобы поймать ветер.

Конфигурация крыльев менялась чисто инстинктивно. Тем не менее умение маневрировать Джим считал не иначе как искусством, а себя мнил королем воздуха.

Сейчас он уже обозрел почти все свои земли, и пришла пора возвращаться в замок. Не опоздать бы к ленчу. Он начал плавный разворот вправо, чтобы направиться к дому. И тут заметил небольшой иглу вдовы Теббитс. Собственно говоря, это был вовсе не иглу, но Джим не мог подобрать другого названия, которое подошло бы этому строению. Оно было сооружено из молодых деревцев и тонких веток, связанных воедино и тщательно обмазанных глиной. Крыши то ли вообще не было, то ли она просела от времени, но ее явное отсутствие действительно придавало домику форму иглу. В любом случае посередине того места, где была или должна была быть крыша, находилось дымоходное отверстие – как раз над заполненным песком очагом, в котором вдова разводила огонь для обогрева и приготовления пищи.

Но сейчас дымоход не подавал никаких признаков жизни, более того, он вообще был закрыт.

Джим сделал круг, пошел на снижение и с глухим шумом приземлился у двери, освобожденной от снега изменившимся к тому времени ветром. Звук его приземления, без сомнения, заставил бы вскочить на ноги любого, кто бы ни находился в доме, и через несколько секунд, немного поупрямившись, дверь с шумом распахнулась. На пороге показалась сама вдова, обмотанная поверх одежды одеялами и разномастными лоскутами, из-за чего больше походила на медвежонка, чем на человека. Вдова сразу узнала гостя.

Она издала легкий крик, считавшийся у людей Маленконтри обязательным при встрече с хозяином в обличье дракона, и попыталась сделать реверанс. Вряд ли это было возможно в ее наряде, и вдова чуть не упала. Джим вовремя одернул себя, чуть было не сделав движение, чтобы подхватить женщину. Она бы никогда не простила себе, соверши ее господин нечто подобное. К счастью, дверной косяк уберег вдову от падения, и она выбралась наружу.

– Милорд, – проговорила вдова.

Из вороха одежды, в котором пряталось кроткое старческое лицо, на Джима смотрели два пронзительных темных глаза.

– Как поживаешь, Теббитс? – спросил Джим. У вдовы было, разумеется, имя, но похоже, никто в поместье его не помнил. – Я заметил, что из дымохода не идет дым.

– Нет, милорд, – начала вдова. – Благодарю милорда. Очень любезно со стороны милорда разговаривать со мной. Я так благодарна милорду. Дым не идет, потому что нет огня.

– Что-нибудь с очагом? – спросил Джим, вспомнив, что, оказывая кому-либо помощь, необходимо быть щепетильным.

– Нет, милорд. Благодарю, милорд.

– Так почему же нет огня?

– Он поглотил последние красные угольки и улетучился, как и всякий огонь, если милорд по своей доброте позволит так выразиться.

Джим вздохнул с облегчением. До этого он чувствовал себя как человек, стоящий в темноте перед закрытой дверью и отыскивающий в связке ключей тот единственный, который открыл бы ее. Мысль пожаловаться на что-либо в открытую приводила его арендаторов в ужас, и они находили окольные пути, чтобы поставить его в известность о своих нуждах, имея в запасе отговорку, что у них все в порядке и они не нуждаются абсолютно ни в какой помощи... И если Джиму случалось заметить обходной маневр и побранить их за маленькую хитрость – они тут же пускали эту отговорку в ход.

– И у тебя во время пурги совсем не было дров? – спросил Джим.

– Почему же, думаю, что были, – сказала вдова Теббитс. – Я стала ужасно забывчива в последние дни, милорд.

– Все нет, – сердечно проговорил Джим. Даже трудно себе представить, как она, в ее годы, пережила эти несколько дней в неотопляемом помещении. – Мне кажется, неподалеку отсюда я видел в лесу упавшую ветку. Она сгодится на дрова. Пожалуй, я найду ее и принесу.

– Молю милорда не утруждать себя! – воскликнула вдова.

– Теббитс, – сказал Джим властным, не терпящим возражений тоном, – я хочу принести сюда этот сук.

– О, прошу прощения, милорд. Виновата, милорд. Молю о снисхождении.!

– Я скоро вернусь, – сказал Джим.

Он повернулся, с шумом взмыл в воздух и кратчайшим путем полетел в близлежащий лесок, о котором говорил; лесок находился все-таки достаточно далеко, чтобы, приземлившись там, оказаться вне поля зрения вдовы Теббитс. Никаких упавших веток поблизости не было, а искать их под снегом не входило в его намерения. Джим облюбывал на одном из дубов пятнадцатифутовый сук и попросту отломал его от заиндевевшего ствола. Немного поразмыслив, он отыскал глазами другой сук примерно таких же размеров и присоединил его к первому. Джим пристроил сучья в лапах, снова взмыл в воздух, заработал крыльями и наконец приземлился у окна домика Теббитс.

– Ну вот! – сердито сказал Джим и тут же заметил, что вдова с сомнением смотрит на толстые концы принесенных им сучьев. – Вспомни, – продолжил он, – есть ли у тебя топор, чтобы справиться с этими ветками.

– Увы, милорд, – вздохнула Теббитс. – Боюсь, я его потеряла.

У нее, скорей всего, его никогда и не было, подумал Джим. Железо стоит дорого. Надо будет прислать ей какой-нибудь подходящий инструмент для рубки дров.

– Что ж, – сказал Джим, – ладно, в таком случае...

Он поднял одну из двух заиндевевших веток и, орудуя предплечьями, принялся с легкостью ломать ее с толстого конца на части, попутно отрывая мелкие ветки. Джим обломал сучья, чтобы они влезли в топку, собрал в охапку, которая была бы по силам вдове, и пере-

дал дрова Теббитс. Женщина неуклюже, но с явной радостью схватила их, несмотря на ворох напяленной одежды.

– Я скажу Дику Форестеру, чтобы он сегодня же прислал тебе дров из замка, – подытожил свои действия Джим. – У тебя есть кремень и огниво? Есть чем развести огонь?

– Есть. Спасибо, милорд, – сказала Теббитс. – Милорд всегда так добр к никчемной старухе.

– Не стоит благодарности. Когда-нибудь состарюсь и я. Это уж точно, – добродушно ответил Джим. – Да благословят тебя небеса, Теббитс.

– Да благословят они милорда.

Джим с шумом поднялся в воздух, удовлетворенный тем, что ему в кои-то веки удалось помочь одному из своих людей, прежде чем тот сам попросил о помощи. Набрав высоту, он полетел к замку.

Вдруг нечто необычное привлекло внимание Джима – и вовсе не на его землях, а в граничащем с ними маленьком поместье сэра Губерта Вайтби. Присущее дракону телескопическое зрение позволило Джиму разглядеть, что сэр Губерт отчаянно жестикулирует и кричит что-то неразборчивое на таком расстоянии, отдавая приказание не то своим арендаторам, не то слугам.

Сэр Губерт считался не лучшим из соседей. Он не был дурным, опасным, злым, бесчестным или жадным человеком, но вечно пребывал в раздражении, недовольстве и беспрестанно требовал к своей особе внимания.

Поначалу Джим решил продолжить свой путь и забыть о том, что видел. Но совесть и еще не пропавшее в четырнадцатом веке чувство взаимовыручки между соседями заставили Джима повернуть обратно, и он начал планировать в сторону сэра Губерта.

Когда, поймав нисходящий воздушный поток, Джим спустился ниже, он понял, в чем дело. Одна из коров сэра Губерта провалилась не то в засыпанный снегом ров, не то в небольшой овраг, и сэр Губерт с четырьмя своими людьми пытался выволить ее из плена.

Корова или не могла помочь им, или не понимала, чего от нее хотят, а весила она столько, что четверым мужчинам было не под силу вытащить ее из ямы. Сэр Губерт поднял такой шум, что спасатели увидели Джима, только когда тот приземлился рядом с ними с таким же грохотом, какой произвел под окном домика вдовы Теббитс. Все тут же развернулось и усталились на него.

– Дракон! – вскричал сэр Губерт, вытаскивая меч из ножен.

Рыцарь побледнел, но меч держал уверенно. Несмотря на все свои недостатки, сэр Губерт не был трусом. В эти времена трусы, независимо от сословия, к которому они принадлежали, не доживали до зрелых лет.

Было ясно, что никто не узнал сэра Эккерта, как узнавали своего хозяина в обличье дракона его собственные арендаторы. Люди сэра Губерта были безоружны, если не считать заткнутых за пояс ножей, обычно используемых в хозяйстве. Они моментально выхватили их и начали прикидывать, что еще может сойти за оружие, – у двоих имелись длинные колья, у третьего совершенно бесполезная в сложившемся положении веревка.

Конечно, они выглядели глупо. Даже если бы все пятеро были в доспехах и при полном вооружении, они, скорее всего, погибли бы, схватившись всерьез с драконом таких внушительных размеров. Пожалуй, они могли бы серьезно ранить его, но если бы он и погиб, то последним.

– Не будь ослом, сэр Губерт. – Фраза из лексикона двадцатого века прямо-таки сорвалась с языка Джима. Что ж, она сейчас как нельзя более уместна, подумал он. – Я Джеймс Эккерт, твой сосед. Только в обличье дракона. Не могу ли я чем-нибудь помочь?

Сэр Губерт еще не пришел в себя, однако кончик его меча опустился на несколько дюймов.

– Надо же! – недоверчиво проговорил он.

– Я облетал свои земли, чтобы посмотреть, что сделала с ними пурга, – сказал Джим. – И, пролетая мимо, увидел, что у тебя что-то стряслось. Вот я и приземлился.

Сэр Губерт опустил меч, но все еще не торопился вложить его в ножны:

– Черт побери, если это на самом деле ты, то почему в таком виде?

– В обличье дракона я гораздо сильнее, а ведь могло оказаться, что кому-то нужна помощь, как, например, тебе, – сказал Джим. – Оставь свои выкрутасы и пораскинь мозгами, Губерт.

– Дьявольщина! Откуда, будь я проклят, мне знать о твоих намерениях? – вскричал рыцарь. – Может, ты хочешь сожрать нас.

– Я не кровожаден, – сказал Джим. – Ты достаточно часто обедал в Маленконтри, чтобы знать это, Губерт.

– Ладно... – Сэр Губерт вложил меч в ножны. – Чем ты можешь помочь нам?

– Пока и сам не знаю, – ответил Джим. – Дай взглянуть. Куда это провалилась твоя корова?

– Да в обыкновенную яму, – проворчал сэр Губерт. – Если бы эта тварь хоть чуточку соображала, давно бы выбралась. Будь она неладна!

– А что за яма? Края у нее крутые? Пологие?

– Пологие, – сказал сэр Губерт. – И если бы корова немного помогла нам, мы бы ее уже вытащили.

– Если края пологие, я постараюсь залезть в яму и приподнять животное, а вы тяните за веревку; возможно, корова и выберется.

– Она лягнет тебя. – Сэр Губерт все еще не находил себе места.

– Может быть, – сказал Джим. – Посмотрим.

Он подошел к яме. Корова, которая раньше находилась с наветренной стороны, теперь неожиданно учуяла дракона, а увидев его рядом с собой, в ужасе замычала. Джим сложил крылья, нащупал под снегом скат ямы и пополз вниз сбоку от животного. Корова замычала снова, взывая о помощи. Но Джим быстро прижал ее своей тушей к противоположному краю ямы – зажатое с двух сторон и увязшее в глубоком снегу животное уже и не помышляло о том, чтобы противостоять внезапно объявившемуся соседу.

Лягнула его корова или нет, Джим так и не понял. Но он сумел зарыться глубоко в снег и подставить плечо под брюхо животного. Плотно прижатая плечом Джима к краю ямы корова в последний раз промычала от полной безысходности.

Джим глубоко вздохнул и выжал вес – так действует присевший человек, беря груз на плечо. Корова была тяжеловата, но и мускулы Джима намного превосходили мощью человеческие. Животное взмыло вверх и, завалившись на бок, растянулось на краю ямы. Корову тут же оттащили в сторону и принялись увещевать, призывая встать на ноги.

Джим выбрался из ямы самостоятельно.

– Ты легко справился с этой тварью, – пробурчал сэр Губерт чуть ли не обиженно.

– Ты необыкновенно любезен, – ответил Джим, зная, что слова рыцаря выражают, пожалуй, верх благодарности, на которую тот способен.

Джим взлетел вновь – пора было возвращаться в замок.

Ветер дул с юго-востока, и Джиму потребовалось набрать необходимую высоту, чтобы, сделав длинный вираж над землями сэра Губерта, лечь на курс к Маленконтри.

Он поднялся уже достаточно высоко, когда вдруг понял, что непроизвольно смотрит в сторону леса, в котором стоит домик Каролинуса.

Он собирался поговорить с Каролинусом, своим учителем магии, еще когда вместе с Энджи и юным Робертом Фалоном в сопровождении свиты возвращался с празднования Рождества у графа Сомерсетского, а с тех пор прошел почти месяц. Но постоянно что-то мешало.

Сейчас самое время ненадолго заглянуть к Каролинусу и обсудить с ним пару относящихся к двенадцатидневному пребыванию у графа вопросов, которые до сих пор не давали Джиму покоя.

Первым делом он, конечно, должен принести Каролинусу извинения за своего спутника, который на протяжении тех двенадцати дней постоянно донимал мага своей особой...

Хотя и в замок пора, Джим уже и так опоздал к ленчу. Энджи ждет его в большом зале. Ей, по всей вероятности, придется возиться с Робертом, который будет искать его...

Роберт постоянно требовал внимания, даже в самых, казалось бы, простых ситуациях; Джим до сих пор сомневался, правильно ли он поступил, взяв здесь, в четырнадцатом веке, на воспитание сироту благородного происхождения. Таким тут одна дорога – в воины. Сам Джим, по существу, воином не был. Его взгляды на жизнь, вынесенные из двадцатого века, не пойдут Роберту на пользу. Впрочем, Роберт еще слишком молод, чтобы разделять с опекунами ленч в большом зале.

Джим все еще был на распутье. И все-таки он решил, что Энджи не будет его дожидаться и поест одна. Ничего страшного не случится. Ну а он перекусит тем, что останется, когда вернется в Маленконтри.

И Джим взял курс на вершины деревьев, скрывающих расчищенную от леса поляну, на которой стоял домик Каролинуса.

Поляна была достаточно велика, примерно с футбольное поле. Вокруг стеной стояли высокие дубы и тисы. Снег шапками лежал на деревьях и покрывал землю в радиусе десяти ярдов от домика, оставляя свободным правильный круг, в котором царило лето.

В круге стоял не тронутый снегом домик. Рядом зеленела трава, цвели цветы, а из небольшого бассейна бил фонтан и время от времени выскакивали, как дельфинята, не то золотые рыбки, не то миниатюрные золотистые русалки. Чтобы сказать наверняка, надо было иметь очень уж острое зрение.

Аккуратная, посыпанная гравием дорожка вела от фонтана к двери маленького неказистого домика с остроконечной крышей, которому, казалось, здесь было не место. С другой стороны, он не мог находиться ни в каком другом месте, а должен был стоять именно здесь, в окружении зеленой травы, по соседству с бассейном, из которого выскакивали золотистые создания.

Джим с грохотом приземлился в самом конце дорожки, но никто не вышел из домика на шум, чтобы встретить гостя. Джим обернулся человеком. Если раньше, когда только начинал заниматься магией, он не обращал внимания на экипировку при своих превращениях, то потом уже не забывал о ней, и сейчас был тепло одет. Сэр Эккерт подошел к двери домика и тихонько постучал.

Не дождавшись ответа, он осторожно толкнул дверь и вошел.

– А, это ты, Джим? – Каролинус поднял на него глаза. Он сидел в большом кресле с подушечкой для головы. На столе перед Каролинусом лежал какой-то открытый фолиант; на одном из коленей мага, как бабочка на ветке, сидела маленькая грациозная зеленая наяда. Каролинус посмотрел на нее. – Тебе лучше сейчас заняться своими делами, дорогая, – мягко сказал он. – Мы закончим нашу беседу попозже.

Наяда соскользнула с его колена и прошептала что-то невнятное.

– Конечно, – сказал Каролинус.

Она повернулась и направилась к двери. Джим посторонился, чтобы пропустить ее. Наяда шла, опустив глаза, и, только поравнявшись с Джимом, на мгновение подняла их и опять что-то прошептала.

– Отнюдь, – сказал Джим. Он не понял ее, как, возможно, немногим ранее и Каролинус, но решил, что найденное им слово вполне сойдет за ответ. Наяда вышла из комнаты, и дверь закрылась.

– Ну что ж, мой мальчик, – весело проговорил Каролинуc, – рад видеть тебя, тем более в облике человека. Домик у меня маленький, ты же видишь.

Домик действительно был невелик. Мало того, он был до самой крыши забит книгами и всевозможными мыслимыми и немыслимыми предметами, часть которых, несомненно, имела отношение к оккультным наукам. Больше всего домик походил на склад. Но с тех пор как Каролинуc научился находить среди царящего вокруг хаоса нужную ему вещь, он уже не вспоминал о порядке в своем жилище.

– Я давно собирался повидать тебя, еще когда вернулся от графа, – сказал Джим. – А сейчас оказался рядом и решил зайти. Я не помешал?

– Нисколько, нисколько, – сказал Каролинуc. – Мы с Лаллиной можем поболтать в любое время. С тобой мы встречаемся гораздо реже.

Воспользуйся Джим последними словами Каролинуса, он мог бы ответить, что неоднократно пытался с ним встретиться, но не мог найти его. Но Джим промолчал.

– Ну да ладно. Сейчас-то ты здесь, – весело продолжил Каролинуc. – Я вижу, ты в добром здравии и отличном расположении духа. Готов к следующему приключению?

Глава 3

– К следующему приключению! – воскликнул Джим, чувствуя, как у него похолодело внутри. – Конечно, нет. Я решил долго не пускаться в рискованные предприятия. Мы с Энджи хотим несколько лет пожить обычной жизнью. – Он подозрительно посмотрел на Каролинуса:

– Уж не припас ли ты для меня сюрприз в рукаве?

– Я? Что ты, Джеймс! – ответил Каролинус. – После недавнего дела у графа я и не соби-
рался ничего поручать тебе, по крайней мере так скоро. У меня и в мыслях такого нет. Если ты и встрянешь во что-нибудь, то исключительно по своей воле.

– Прошу прощения, – сказал Джим. – Те двенадцать дней выбили меня из колеи. Ты не возражаешь, если я присяду?

– Присядешь? Ну разумеется! Если только найдешь стул. Где-то они у меня были. – Каро-
линус близоруко огляделся. – Да должны же они быть. Посмотри под теми книгами в углу.

– Еще раз прошу прощения, – сказал Джим, освободив стул и усевшись, – но Энджи
считает, что я уделяю ей мало времени. Она, пожалуй, права.

– Безусловно, – согласился Каролинус. – Удобный стул?

– Как сказать... – начал Джим. – По правде говоря, нет.

– Ну так будет удобным! – вскричал Каролинус страшным голосом.

Джим сразу почувствовал разницу. Теперь это был, пожалуй, самый удобный стул, на
котором Джиму доводилось сидеть, хотя ножки смотрели в разные стороны, спинка была отвес-
ной и жесткой, а подлокотников и подушечки для головы не было и в помине.

– По правде говоря, Каролинус, я пришел сказать тебе, что был понапрасну подозрителен
и несдержан в те двенадцать дней. Но я привык, что при необходимости ты всегда рядом, а
случилось так, что ты не дал мне ни единой возможности посоветоваться с тобой.

– Боже мой! – воскликнул Каролинус.

– Ну да ладно, – продолжил Джим. – Теперь я понимаю, ты специально предоставил меня
самому себе. Лучше и не придумаешь, чтобы обрести самостоятельность. Но мне бы хотелось,
чтобы все осталось как прежде, когда при желании я мог найти тебя и посоветоваться в случае
необходимости.

– Так уж и обязательно советоваться со мной, Джим, – проворчал Каролинус. – Пойми,
к прошлому возврата нет. Ты уже опробовал свои силы и должен и дальше действовать само-
стоятельно.

– Самостоятельно? – воскликнул Джим. Еще пару лет назад слова Каролинуса прозвучали бы для него обескураживающе. Теперь же, когда у него за плечами был некоторый опыт и он приблизительно познал как возможности, так и предел возможностей магии, эти слова всего лишь встревожили его.

– Но на какую помощь я все-таки могу рассчитывать?

– Ты можешь задавать вопросы, – сказал Каролинус. – А я буду на них отвечать – в пре-
делах допустимого. Абсолютно полного ответа на что-либо просто не существует. Ты поймешь
это сам, Джим, когда станешь магом по крайней мере ранга А и будешь иметь дело с менее
искусными магами или, может быть, даже со своими учениками.

– Я верю тебе, – сказал Джим, который так же желал иметь учеников, как по собственной
воле взойти на костер.

– Всегда помни, – продолжал Каролинус, – не имеет смысла одаривать кого-то знаниями,
пока он не готов воспринять их. Но если ты подождешь, когда тебе зададут вопрос, произойдут
две вещи, которые и должны произойти в этом случае. Во-первых, спрашивающий окажется
готовым услышать то, что ты ему скажешь. А во-вторых, он оценит значимость твоих слов.

В противном случае с тобой начнут спорить, выказывая полное невежество, или даже станут противиться твоим наставлениям и советам, пока в них не возникнет настоятельная нужда.

– Я поступал так же? – спросил Джим.

– Честно говоря, нет, – сказал Каролинус. – Но ты не совсем обычный ученик. Твои трудности – в другом, и одной из них я не в силах помочь. Я имею в виду твоё мышление. Я бы сказал, оно... механическое.

– Ты считаешь, что я нахожусь под влиянием двадцатого века?

– Да, – сказал Каролинус. – Именно так.

– Вот уж не знаю, что с этим поделать.

– Это твоя забота. Весь парадокс в том, что корни твоей необычайной способности отыскивать нужные решения находятся за пределами тех границ, в которых практикуют ученые маги. С моей стороны было бы неразумно ломать твои привычки и менять твой образ мыслей. Такая попытка только загубила бы твои дарования. И потому ты должен действовать куда более самостоятельно, чем рядовой ученик.

– Будет прекрасно, если я добьюсь чего-то самостоятельно, – сказал Джим. – Но если ты предоставляешь мне такую возможность, а мне вдруг понадобится помощь, могу ли я обратиться к тебе, чтобы получить ответ на какой-то вопрос или какие-то нужные мне сведения?

– Не обязательно все, чего ты попросишь, – сказал Каролинус. – У меня гораздо больше знаний, чем ты думаешь. Многие из них ты не сможешь использовать, даже если и разберешься в их сути. Но я всегда передам тебе те знания, которыми, как я сочту, ты сумеешь воспользоваться.

– Но если я, как пришелец из другого века, стану решать какую-то проблему путем, который ты не практикуешь и не можешь практиковать, ты не сможешь определить, какие знания я не смогу использовать или понять.

– Это возможно, хотя и маловероятно, – сказал Каролинус. – Но кто-то из нас двоих должен решать, какими знаниями тебе пользоваться. Это мои знания. И я один из всего лишь трех магов ранга ААА+ в мире, а ты пока только маг ранга С и мой ученик, так что решать буду я.

– Другими словами, – резюмировал Джим, – у меня нет выбора. Насколько я понял, ты твердо стоишь на том, чтобы делиться со мной лишь теми знаниями, которые сочтешь для меня нужными.

– Ты все схватываешь на лету, Джим, – сказал Каролинус. – Я обратил на это внимание еще при нашей первой встрече.

– Но в пределах тех границ, о которых ты говорил, ты не откажешь мне в помощи?

– Конечно, нет, – ответил Каролинус. – Запомни, Джим, я на тебя очень рассчитываю, иначе не стал бы выделять тебя среди своих учеников. Я буду радоваться твоим успехам и переживать за тебя в трудную минуту. Надеюсь, что и ты доверяешь мне.

– В полной мере. Я никогда не сомневался в твоём расположении ко мне, – заверил мага Джим. Он опасался, что Каролинус скоропалительно сделает неверный вывод исходя из реалий своего четырнадцатого века. Джим и сам грешил этим. Какое-то время на праздновании Рождества у графа он даже подумывал, не использует ли его Каролинус в собственных целях. Но оказалось, что это не так. – Конечно, я доверяю тебе, Каролинус. И Энджи тоже.

– Я ценю это, мой мальчик, – сказал Каролинус. – Никогда не забуду, как ты спас мне жизнь, когда те недоброй памяти знахарки чуть не залечили меня до смерти своими снадобьями и скверным уходом.

Действительно, однажды Каролинус оказался совершенно беспомощным. И не подоспей в последний момент Джим и Энджи со своими людьми да вовремя подвернувшийся Джон Чендос, дни мага могли быть сочтены. А так обессиленного Каролинуса доставили в Мален-

контри, где сумели выходить. Нахлынувшие воспоминания заставили Джима еще раз горько упрекнуть себя за былое недоверие к магу.

– Я доверяю тебе, Каролину, – сказал Джим. – Ты можешь рассчитывать на меня.

– А ты – на меня, мой мальчик, – откликнулся Каролину. – Ну что ж, раз мы скрепили наш союз, мне бы хотелось кое-что сказать тебе, прежде чем ты начнешь пробовать свои силы в, скажем так, новой области магии. Ты, конечно, знаешь, что имеешь неограниченный магический кредит благодаря своему необычному статусу, а это вызывает недовольство части других магов и их учеников, считающих, что ты находишься в привилегированном положении.

– Знаю, – угрюмо проговорил Джим.

– Их недовольство не распространяется на меня, – сказал Каролину. – Им придется свыкнуться с мыслью, что ты сам являешься источником магической энергии. Но вспомни, как неразумно ты использовал ее на праздновании Рождества у графа. Что ты себе позволял. Ты был слишком расточителен в своих действиях.

– Ты так думаешь? – спросил Джим.

– Я в этом уверен. Мне все равно, что говорят о тебе другие маги, но меня беспокоит, что ты не видишь того, что не имеешь права не замечать, когда работаешь один.

– Даже так? – проговорил Джим. Он не помнил, чтобы Каролину был когда-нибудь так серьезен. Джим помрачнел. Другие маги ропшут на него, и оказывается, ему и Энджи уже грозила опасность.

– Мне хотелось бы напомнить тебе кое о чем, – продолжал Каролину. – Не имеет значения, как мало магической энергии ты можешь потратить, чтобы свершить действие. Не имеет значения, как велики твои запасы энергии. Важно другое – не расточать эти запасы понапрасну. Другими словами, не прибегай к магии, если существует обычный способ достичь желаемого. Ты, наверное, обратил внимание – я ведь иногда брал тебя с собой, – что я перемещаюсь в пространстве с помощью магии. Но я намного старше тебя, да тому бывают и другие причины, о которых ты узнаешь позже, когда обретешь большие знания. Правило же гласит: не пользуйся магией, пока в том нет необходимости. – Каролину строго взглянул на Джима:

– Может наступить время, когда тебе неожиданно понадобится пустить в ход всю свою энергию, но ты не можешь предугадать, когда это время наступит. Поэтому не трать энергию зря, а наоборот, накапливай ее, насколько возможно. Это очень важно, Джеймс.

По спине Джима пробежал холодок. Каролину был, как никогда, серьезен.

– А ты не назовешь ту опасность, которая может меня подстеречь и потребовать максимальных затрат энергии? – спросил Джим.

– Нет, – категорично отрезал Каролину. – Я сформулировал тебе правило в общем виде. Но подчеркиваю, оно имеет первостепенное значение при любых обстоятельствах, особенно в тех случаях, когда ты будешь практиковать магию на свой страх и риск.

– Я непременно запомню это правило, – рассудительно ответил Джим.

– Хорошо, – сказал Каролину. – Вспомни о своем столкновении с Темными Силами в Презренной Башне или о том, как мне пришлось совершить целое путешествие, чтобы достать магический жезл. Большая магия – это целая наука, и нет такой магии, которая выручала бы во всех случаях жизни. Прежде всего надо рассчитывать на самого себя, на свою волю и разум. – Каролину внезапно замолчал и закашлялся. – Ну да ладно, – заговорил он снова, но уже в своей обычной манере. – Ты хочешь еще что-нибудь сказать?

– Пока нет, – ответил Джим, неожиданно почувствовав облегчение, когда разговор перешел в дружескую беседу после чуть ли не зловещего тона, в котором Каролину изрекал свои наизидания. – В замке все благополучно. Мы встретимся с тобой, как только улучшится погода.

– Рад это слышать, – сказал Каролину. – Я думаю, ты не станешь прибегать к магии, чтобы перенестись в замок, а просто полетишь?

– Можно и так, – согласился Джим. – Я люблю летать. Но к слову говоря, разве мои превращения в дракона и обратно в человека не есть магия?

– По сути дела, в твоём необычном, относящемся только к тебе случае – нет, – ответил Каролинуc. – Ты, как самородок, ни на кого не похож. Ты явился в этот мир драконом, и как только ты перестанешь им быть, вся заключенная в тебе энергия исчезнет.

– Хорошо, – сказал Джим. – Как только выйду из домика, превращусь в дракона.

– Так и сделай, – сказал Каролинуc. – Так будет лучше.

* * *

Минут через двадцать Джим опустился на башню замка, на флагштоке которой развевался по ветру стяг с гербом барона Маленконтри. Караульный встретил своего господина ритуальным возгласом вроде того легкого крика, который издала, увидев его, вдова Теббитс. Джим кивнул караульному, обернулся человеком, спустился по лестнице, открыл дверь и вошел в комнату.

За столом с разложенными перед ней бумагами сидела Энджи и занималась делом, за которое не взялась бы ни одна находящаяся в здравом уме леди в четырнадцатом веке. Энджи подсчитывала хозяйственные расходы.

Конечно это было делом управляющего Джона. Но Энджи как-то обнаружила, что Джон всецело следует установившемуся обычаю и, распорядясь хозяйскими деньгами, изымает в свою пользу суммы, которые оказались бы не лишними и в хозяйстве. Возмущенная Энджи обратилась к Геронде, но та, просмотрев бухгалтерские книги, сочла, что Джон не так уж и злоупотребляет своим положением. Действительно, его аппетиты были вполне умеренными, и Геронда настоятельно посоветовала Энджи оставить все как есть.

И все-таки Энджи решила поставить дело по-новому, так, как оно велось бы в прагматичном двадцатом веке. Она взялась за бухгалтерские книги сама, а Джону вдвое увеличила годовое жалованье, что с лихвой окупило его неожиданные потери. Теперь Энджи не только держала хозяйство в своих руках, но и превосходила хваткой своего управляющего:

– Джим! – воскликнула она, отрывая взгляд от бумаг. – Где ты пропадал?

– Пришлось задержаться у вдовы Теббитс, у нее не было дров, – ответил Джим. – У сэра Губерта провалилась в яму корова. Ну а там уж было рукой подать до домика Каролинуcа, и я не мог не зайти к нему. Надо налаживать отношения. Ты помнишь, я в нем усомнился, когда мы были у графа.

– И все это заняло столько времени? – спросила Энджи. – Уже за полдень.

– Пришлось пробыть у Каролинуcа дольше, чем я рассчитывал, – сказал Джим. – Знаешь, с чего он начал разговор? Спросил, готов ли я к следующему приключению. Ну а я ответил: «Конечно, нет. Мы с Энджи хотим несколько лет пожить обычной жизнью».

– Ты так и сказал?

– Слово в слово. Так и сказал, без обиняков.

– Тогда ничто не разлучит нас в обозримом будущем.

– Конечно. Можешь быть уверена.

– Ну что ж, я верю тебе. Брайен ждет внизу.

– Брайен? Каким ветром его занесло?

– Он хочет что-то сообщить и непременно нам обоим сразу, поэтому и ждет тебя. – Энджи встала из-за стола. – Спустимся в зал. Брайен там наверху блаженства, разговаривает с твоим оруженосцем.

Оруженосцем Джима был Теолаф, начальник стражи, произведенный сэром Эккертом в новое достоинство за неимением другого выбора, но безусловно за долгие годы службы поднаторевший в ратном деле, которому решил посвятить свою жизнь Брайен. Оставайся Теолаф

простым стражником или даже начальником стражи, в ранге которого он пребывал некоторое время, Брайен вряд ли снизошел бы до разговора с ним. Став же оруженосцем, Теолаф достиг положения человека, с которым не стыдно поговорить, хотя Джим готов был держать пари, что Брайен все еще сидит за высоким столом, а Теолаф отвечает ему стоя.

Сам Джим так и не сумел побороть приобретенную в двадцатом веке привычку предлагать собеседнику сесть. Зато в этом преуспела Энджи, которая спокойно взирала на низших по положению, которым приходилось стоя выслушивать ее или обращаться к ней. И теперь Энджи вместе с Брайеном и Герондой де Шане, его нареченной, взялась за Джима, пытаясь отвлечь и его от дурной привычки.

Джим делал успехи, но и только. Его собственные слуги, проинструктированные по указанию Энджи управляющим Джоном, просто не обращали внимания на предложение Джима сесть при разговоре с ним. Теперь у них были развязаны руки, а до того, сидя в присутствии Джима, они чувствовали себя явно не в своей тарелке. Так спустя пятьсот лет можно было оказаться в неловком положении на великосветском приеме, не зная, какую вилку выбрать в нужный момент.

Когда Энджи и Джим, пройдя через буфетную, вошли в большой зал, Теолаф, как и предполагал Джим, стоял перед возвышавшимся на помосте столом, за которым в своей обычной позе – выпрямившись, словно в седле, – сидел Брайен, уперев локоть в стол и сверля воздух указательным пальцем. Брайен вдалбливал очередную мысль в голову своего собеседника:

– Ты должен постоянно втолковывать им, что поверженный наземь человек не есть человек убитый.

– Я так и поступаю, – вторил Брайену Теолаф. – Но одно дело втолковывать им эту мысль, чтобы ее приняли на веру, и совсем другое – после того, как они едва унесли ноги от человека, которого посчитали мертвым. В замке Уорик один из моих парней пытался обшарить, как ему казалось, труп одного молодца, только что сражавшегося, как дьявол. Ну и...

Теолаф прервал свой рассказ и поклонился, заметив вошедших в зал Джима и Энджи. Поклон его был вполне непринужденным и, как отметил Джим, ничем не напоминал то неловкое телодвижение, в котором Теолаф изогнулся, когда его, выделив из толпы, произвели в оруженосцы. Шляпу Теолафу снимать не пришлось, он держал ее в руке еще с начала разговора с сэром Брайеном.

– Теолаф, – обратилась к оруженосцу Энджи, как только они с Джимом заняли свои места за высоким столом, – побеспокойся о еде для своего господина. Что тебе принести, Джим?

– Сыра, хлеба, немного холодного мяса и немного светлого пива, – ответил Джим. Он уже почти привык к светлому пиву. Вино выглядело заманчивее, но Джим упорно боролся с укоренившейся в четырнадцатом веке привычкой пить вино по любому, даже малейшему поводу.

– Слушаюсь, миледи. – Теолаф, с извиняющейся улыбкой поклонившись сэру Брайену, отправился через буфетную на поиски слуг.

– Брайен, – сказал Джим, – рад тебя видеть. Не ожидал, что ты приедешь в такую погоду. Ты хорошо выглядишь. А как Геронда?

Брайен и его невеста Геронда де Шане держали домашних голубей, которые при необходимости или в плохую погоду, как сейчас, осуществляли связь между замками Смит и Малверн. В замке Малверн был священник, а у Брайена среди слуг нашелся бывший монах, который умел немного писать и читать по-латыни. На этом языке и велась переписка.

– Как нельзя лучше, – сказал Брайен. – Произошли удивительные события, но, прежде чем перейти к ним, я должен сказать тебе, Джим, пока не забыл, что сэр Жиль выразил крайнее сожаление, что не сумел встретиться с тобой после турнира.

– Мне и самому жаль, – проговорил Джим. – Чтобы добраться до графа, он проделал путь чуть ли не от шотландской границы, а нам так и не удалось поговорить. Я думал, он заглянет

ненадолго к нам, но так и не сумел его найти. Мне сказали, что он уже уехал. Надеюсь, я не обидел его ни словом, ни поступком.

– Конечно, нет, – сказал сэра Брайен. – Ты, наверное, помнишь, сэра Жиль не смог участвовать в турнире, и он одолжил своего оруженосца другому нортумбрийскому рыцарю, сэру Реджинальду Бургу, который выступал в третьей паре против Мнрогара.

– Да, мне сказали об этом, – ответил Джим. – Поэтому я не искал Жилия до конца турнира. Но почему он так рано уехал?

– Из-за сэра Реджинальда, – сказал Брайен. – У того были какие-то дела на границе, требовавшие его немедленного возвращения. Но, сражаясь с Мнрогаром на копьях, он получил небольшие увечья – ничего страшного, несколько треснутых ребер и вывих плеча, которое ему тут же и вправили, – и все-таки сэра Реджинальд не смог бы драться в полную силу, наткнись он со своими людьми на разбойников вроде тех, с которыми столкнулся Жиль на пути к графу. И тогда Жиль, такой же нортумбриец, как и сэра Реджинальд, счел своим долгом сопровождать его. Жиль едва нашел время передать тебе через меня свои сожаления.

– Может быть, он еще найдет время побывать у нас, – предположил Джим.

– Возможно, на будущий год... – начал было Брайен.

Появившиеся слуги помешали ему. И хотя они быстро сделали свое дело – расстелили чистую скатерть, поставили тарелку, положили салфетку и расставили заказанные хозяином сыр, мясо и пиво и так же быстро удалились, нить разговора была потеряна.

– Будем надеяться, – сказал Джим, на минуту задумавшись, так ли уж ему трудно долететь в обличье дракона до фамильного гнезда Жилия, замка де Мер, ведь путешествие заняло бы всего несколько дней. – Но ты сказал, что случилось нечто удивительное?

– Как я сказал, так оно и есть, – ответил Брайен. – Вы не поверите, но произошли два события, совпавших самым счастливым для меня образом. Сначала случилось то, чего никто из нас не ожидал, – король Эдвард прислал с принцем полную шапку золота победителю турнира. Никто и не помышлял о такой награде.

Что верно, то верно, подумал Джим. Король Англии обычно жаловал лишь победителей королевских турниров.

– А как вы знаете, – продолжал Брайен, – турнир выиграл я. Я рассчитывал получить лишь коней и вооружение моих соперников, и надо сказать, оба животных и все вооружение оказались превосходными, особенно сэра Гаримора. Но он решил выкупить и то и другое. Его конь ему так же дорог, как Бланшар де Тур мне, а вооружение такой искусной работы, что он не надеялся приобрести взамен что-нибудь равноценное. Я не мог отказать ему и разрешил выплатить возмещение, что, конечно, не по-рыцарски. Но вы знаете, в каком состоянии находится мой замок.

Джим и Энджи знали. Замок Смит вот-вот превратится в руины, а все деньги, которые Брайен время от времени выигрывал на турнирах, шли слугам, не покидавшим его исключительно из-за крыши над головой и куска хлеба. Но даже эти скромные затраты поглощали почти все, что Брайен добывал с оружием в руках, и на хотя бы первоочередной ремонт его маленького замка – обнесенной крепостной стеной постройки чуть больше обыкновенной башни с примыкающими к ней сооружениями – обычно оставались лишь крохи.

– Рождество сложилось для меня так удачно, – продолжал Брайен, – что я всерьез намеревался залатать крышу большого зала, а на оставшиеся деньги дожить со своей челядью до первого урожая и приплода моего стада. – Насчитывавшего, как знал Джим, всего шесть голов. – И тут на меня пролился прямо-таки золотой дождь. Когда я дома пересчитал все, что получил, то не поверил своим глазам. – Брайен перевел дыхание, чтобы Джим с Энджи успели разделить его удивление по поводу случившегося. – Теперь денег уже хватало, чтобы поставить на ноги все поместье, – продолжил свой рассказ Брайен, – да еще осталось бы более чем на год жизни, а за год я выиграл бы не один турнир. Я собирался вложить деньги в хозяйство, и кто знает,

какой доход я получил бы со своих земель. Выкорчевал бы кустарник на юго-западных землях поместья и превратил его в пастбище. Так или иначе, дар короля явился даром Господним. Я уже было собрался в Виндомский монастырь – испросить совета у благочестивых отцов церкви, как лучше возблагодарить Господа. Но мне пришло в голову, что с них станется посоветовать пожертвовать все или почти все, что я получил, на церковные нужды. А я достаточно грешен, чтобы оценить такой совет по достоинству. Думаю, будет лучше, если я сделаю им пристойное подношение, а уж какое, решу сам.

– Тем более что ты заработал все своими руками, – вставила Энджи.

– Да нет же, – покачал головой Брайен, – мне просто благоволила фортуна. Но как оказалось, мои намерения были напрасными, а свалившееся на меня богатство ждало другое, гораздо лучшее предназначение. – Брайен откинулся на спинку стула и засиял. – Гораздо лучшее! – воскликнул он. – Через несколько дней после моего возвращения голубиная почта доставила послание от Геронды. Она просила меня приехать, и я сразу же отправился в путь. Увидев меня, она бросилась мне на шею с лучшей из новостей. Эту новость привез из Святой Земли некий престарелый рыцарь, который сообщил ее королевскому судье, вершащему суд в Девоне, а тот передал ее другому почтенному рыцарю, сэру Мэтью Холмсу, который по пути в Глостершир любезно заехал в Малверн и преподнес это известие Геронде. Суть же в том, что ее отца видели в Пальмире, в Святой Земле, где он живет в добром здравии в свои почти пятьдесят лет. Но его только узнали, так что других сведений о нем у нас нет.

– Значит, вы не знаете, собирается ли он вернуться домой? – спросила Энджи.

– В том-то и дело. И тогда мы с Герондой сочли королевский приз знаменем, – ответил Брайен. – С такими деньгами я могу, не откладывая, отправиться в Пальмиру, найти рыцаря и привезти сюда. Именно привезти, даже насильно, если понадобится. Он должен дать согласие на наш с Герондой брак. – Брайен закончил свой рассказ и повернулся к Джиму:

– Ты поедешь со мной, Джеймс? В Святой Земле есть на что посмотреть. Но, что более важно, я бы окончательно поверил в успех, если бы ты был рядом.

Джим уже в течение нескольких секунд ждал этого вопроса, и все-таки просьба Брайена застала его врасплох. Джим чувствовал, что Энджи смотрит на него.

– Брайен, – медленно начал он, – как бы мне ни хотелось поехать с тобой, я не могу сейчас покинуть замок. Сэр Джон Чендос любезно обещал узнать при дворе, нельзя ли ускорить официальное оформление опеки над молодым Робертом Фалоном. А поскольку разрешение дает король, я должен быть здесь, чтобы в любой момент выехать в Лондон, если понадобится. Ты понимаешь?

– Но, Джеймс, – возразил Брайен, – с помощью почтенного сэра Джона оформление опеки не займет много времени. Я планировал отправиться в путь как можно скорее, чтобы добраться до Пальмиры, застать отца Геронды и вернуться назад до наступления там изнуряющей жары. Но я могу и подождать несколько недель, ты только скажи...

– Нет, – сказал Джим, чувствуя, как Энджи сверлит его взглядом. – Все дело случая. Тебе же нужно поторапливаться. Кроме того, у меня есть и другие дела, Брайен. Думаю, тебе лучше отправиться одному.

Глаза Брайена, светившиеся ярким огнем с момента его появления в замке, потухли. Брайен сразу сник, но потом выпрямился, приняв обычную позу.

– Конечно, – сказал он, – ты, как всегда, совершенно прав, Джеймс. Тебе нельзя рисковать. Ты действительно должен быть наготове, чтобы решить дело об опеке Фалона. Не будем больше говорить о моем предложении.

– Может быть, я могу помочь тебе чем-нибудь другим, Брайен? – Джим старался смягчить отказ. – Правда, не знаю как. Ты имеешь представление о моих возможностях в магии. Быть может, придумаем вместе, что я могу для тебя сделать, пока я еще не уехал.

– Нет-нет. Никакой необходимости, – сказал Брайен. – Я же сказал, не будем больше говорить об этом. Кстати, мне давно следовало спросить, как вы и ваши люди перенесли снежную бурю. Я со своими слугами переждал непогоду в своих стенах, так что мы не бедствовали. А у вас есть крепостные и арендаторы, живущие за пределами замка, да к тому же, если я не ошибаюсь, и скот на выгоне. Есть какой-нибудь урон от снега, ветра и резкого похолодания?

– К моему удивлению, нет, – ответил Джим. – Я только что облетел свои земли и не обнаружил ничего страшного. Пришлось помочь кое-кому вроде вдовы Теббитс, у которой кончились дрова, но и только.

– Рад слышать это, – сказал Брайен, поднимаясь из-за стола. – Хочу еще засветло вернуться в замок. Ветер, правда, не стих, зато снег кончился. Я много раз путешествовал и не в такую погоду. Так что мне, пожалуй, пора. Мне еще многое нужно сделать, чтобы в замке ни в чем не нуждались в мое отсутствие, тем более что я, по-видимому, никого не возьму с собой, даже Джона Честера.

Джон Честер был оруженосцем Брайена, и если бы Брайену пришлось выбирать, кого оставить в свое отсутствие в замке. Честер оказался бы последним в списке. Непринужденность в разговоре пропала. Было ясно, что никакие уговоры остаться не возымеют действия на Брайена, а только усугубят положение. Джим с Энджи встали вслед за своим гостем.

– Удачи тебе, – сказал Джим.

– Береги себя, Брайен, – сказала Энджи. – Ради Геронды, себя самого, да и нас тоже.

– Благоразумный рыцарь не приемлет ненужного риска, – ответил Брайен. – То же можно сказать и о благоразумном путешественнике. А я буду и тем и другим. Прощайте. Если мне удастся послать весточку из Пальмиры, ее получит Геронда. А уж она поделится новостями с вами.

День угасал, а тепло, поначалу согревавшее беседу в большом зале, успело улетучиться. Джим с Энджи проводили Брайена до конца зала, где слуги помогли ему облачиться в доспехи и надеть плащ. Привели коня... Брайен пересек двор, выехал за ворота, а Джим с Энджи все еще стояли в дверях замка и смотрели ему вслед, пока он совсем не исчез из виду.

Глава 4

В течение почти пяти недель Джим с Энджи в разговорах между собой даже не вспоминали о Брайене и Геронде. Это было достаточно странно – обычно хозяева Маленконтри говорили обо всем, что их волновало. Джим опять чувствовал за собой вину, на этот раз перед Брайеном, и догадывался, что Энджи разделяет его чувства, так что, заведи они разговор о Брайене и его невесте, он мог бы и не получиться.

Подспудное недовольство собой было сродни неизжитой до конца заботе, напоминавшей о себе лишь в тех случаях, когда голова свободна от других мыслей. Но со временем чувство вины притупилось, и, должно быть, Джим с Энджи совсем забыли о нем к тому дню, когда неожиданно для себя услышали донесшийся из-за ворот замка переливчатый звук рога – не гортанный призыв пастушьего рожка и не трубный глас охотничьего рога, а звук, который может породить только настоящий музыкальный инструмент. Энджи и Джим еще переступали порог большого зала, а им навстречу от ворот замка уже бежал стражник.

– Милорд! Миледи! – запыхавшись, проговорил стражник, совсем еще юноша с копной рыжеватых волос и ярко-голубыми глазами, которые были у многих по всей округе. – Ив Морген послал сказать, что показался сэр Джон Чендос с дюжиной вооруженных всадников.

– Хорошо, – сказал Джим. – Приветствуйте его! Приветствуйте! Беги обратно и скажи страже, чтобы его встретили со всей учтивостью.

Стражник развернулся и стремглав бросился к воротам.

– Надеюсь, они сообразят, что к чему, – проворчал Джим. – Сэр Джон теперь желанный гость здесь.

– Сообразят, да не обязательно, – вторила Джиму Энджи. – Они делают, что им предписано. Откуда им знать, что после последнего посещения Маленконтри, сэр Джон больше не враг нам. Всякое бывает, ты их знаешь.

– Да уж знаю, – обеспокоенно сказал Джим. – Чего бы я сейчас не дал за переговорную линию между большим залом и воротами замка.

Он поежился, хотя день был ясным, а крепостные стены защищали двор замка от ветра. Из относительно теплого помещения они с Энджи вышли во двор в чем были. И хотя день стоял ясный, а ветра почти не чувствовалось, все-таки был еще февраль.

– Ив Морген просто делает свое дело, – сказала Энджи.

– Ты права.

Ив Морген был назначен начальником стражи после того, как Теолафа произвели в оруженосцы. Ив хорошо знал свои обязанности и, подозревал Джим, куда больше его понимал в обороне замка и несении караульной службы.

Через открытые ворота послышался стук копыт по перекинутому через ров мосту, и первая пара всадников во главе с сэром Джоном вступила во двор замка. Сэр Джон, человек средних лет, выглядел не старше своего возраста и был, как всегда, элегантен; крупный вороной жеребец под ним величественно помахивал хвостом, будто только собирался в путь, а не уже проделал его. Всадники остановились.

– Сэр Джон! – радушно приветствовал рыцаря Джим. – Рады тебя видеть.

Сэр Джон с показной церемонностью снял шлем:

– Сэр Джеймс! Леди Анджела! Я приехал с новостями и первым хочу сообщить их вам. Я только что из Лондона. Может быть, пройдем в замок?

– Конечно, – сказал Джим и поискал глазами оруженосца.

Теолаф, который к тому времени успел дать указания стражникам, чтобы те развели лошадей по стойлам и предоставили кров людям сэра Джона, – конечно же, с едой и непре-

менной выпивкой, – тут же подбежал к вороному жеребцу и взял его под уздцы. Сэр Джон спешился.

– С разрешения сэра Джона, – сказал Теолаф, – я хочу поставить его в третье стойло от центрального входа. О коне позаботятся наилучшим образом. Могу я узнать его имя?

– Тоннер де Бодри, – ответил сэр Джон.

– Пожалуйста, сюда, если ты позволишь, Тоннер де Бодри. – Теолаф обратился к боевому коню со всей учтивостью, которой тот безусловно заслуживал, уводя его в сторону.

Сэр Джон повернулся к Джиму с Энджи, и все трое отправились к входу в большой зал.

Основательно продрогший Джим чуть было не ускорил шаг, но вовремя спохватился – этикет требовал идти к входной двери не спеша.

– Я останусь только на ночь, – сказал сэр Джон. – У меня много дел на западе. По пути к вам я заезжал в замок Малверн, где надеялся застать сэра Брайена, чтобы не делать крюк, – замок Смит был мне не по пути. Я хотел передать сэру Брайену личное поздравление его величества по случаю победы в рождественском турнире у графа Сомерсетского. Его величество просто очарован рассказом о турнире Ричарда де Бисби, епископа Бата и Уэльса. Но сэра Брайена я, к сожалению, не застал, он уехал в Святую Землю. Меня приютила на одну ночь Геронда де Шане. Но раз уж я здесь, то должен сказать, что был просто поражен, как графский тролль, не без твоего вмешательства, конечно, обошелся с пятью моими дюжими рыцарями. Воистину, это выдающийся тролль – как габаритами, так и, я бы сказал, осанкой.

– Что верно, то верно, – согласился Джим. – Но я не видел тебя на трибуне. Я искал тебя в окружении графа.

Джим осекся, чуть не прикусив язык, но, как известно, слово-то не воробей. По своему положению и рангу сэр Джон должен был сидеть в непосредственной близости от графа, но его там не было.

– Ах, это... – непринужденно сказал сэр Джон. – Я сидел несколькими рядами ниже со своим старым другом, товарищем по оружию. Но я ничего не пропустил. – Он повернулся к Энджи:

– И был воистину восхищен тем представлением, которое дала нам в последний вечер миледи.

– Благодарю, – ответила Энджи. – Я получила не меньшее удовольствие от его постановки.

Продолжая беседовать, они вошли в зал, где было все-таки теплее, чем во дворе. Кажется, сэр Джон не торопится сообщать о цели своего визита. Возможно, плохие новости, подумал Джим. Скорее всего, какие-то препоны в деле об опеке над Робертом Фалоном, и сэр Джон, проявляя деликатность, хочет начать свой рассказ позже, возможно, после обеда.

Но Джим ошибся. Едва все разместились за высоким столом и начали легкую беседу, попивая вино и отправляя в рот ореолы – маленькие пышки, выпеченные в самой разнообразной форме, только с фруктовой начинкой и без дырки посередине, – как к столу приблизился оруженосец сэра Джона и остановился, терпеливо дожидаясь, когда его господин обратит на него внимание.

– А, принес, – сказал сэр Джон. – Я вижу, пакет не пострадал. Давай его сюда.

Оруженосец передал ему пакет, оказавшийся сложенным вдвое листом пергамента со сшитыми краями.

– Можешь идти, – отпустил оруженосца сэр Джон и повернулся к Джиму с Энджи:

– Думаю, не стоит слишком тянуть с развязкой. Чувствую, вам не терпится узнать, что заключено в этом пакете. Поэтому... – И сэр Джон передал пакет сидящему рядом с ним Джиму.

Джим едва преодолел желание переадресовать пакет Энджи, к которой тот имел большее отношение, если только догадка Джима о его содержимом верна. Но этикет требовал, чтобы пакет принял именно Джим, являющийся ответственным получателем.

Джим вынул из ножен нож и разрезал стежок, скреплявший края пергамента, который развернулся в единый лист с висевшей на нем снизу, как подвеска на шее человека, массивной печатью, оттиснутой на клочке пергамента и державшейся на двух пропущенных через прорези листа лентах.

Джим пробежал текст глазами.

Он был написан на средневековой латыни и исполнен писцом в стиле времени. По всему тексту красовались многочисленные витиеватые завитушки, а верхние выносные элементы букв были удлинены и выписаны с нажимом, так что казалось, слова несут на себе пики.

Джим приступил к чтению, почти не испытывая затруднений.

Edwardus Dei gracia Rex Anglie et Francie et dominus Hibemie omnibus ad quos presentes liters peruenerint saluten...

По мере чтения латинский текст неожиданно начал затуманиваться и превращаться в английский. Это было проявление той самой вездесущей магии, которую Джим мечтал освоить еще со времен, когда всерьез решил овладеть способностью трансформировать в современный английский язык, понятный ему и Энджи, не только по возможности наибольшее число незнакомых ему языков, каким для него был, например, французский, но и их многочисленные диалекты, и даже языки волков, морских дьяволов и других земных тварей.

По-английски текст звучал так: Эдвард, Божьей Милостью король Англии и Франции, лорд Ирландии, приветствует всех своих подданных, заинтересованных в исходе настоящего дела. Что касается Роберта Фалона, сына Ральфа Фалона, барона Чина, ныне усопшего, и опеки над означенным Робертом Фалоном до достижения им...

Джим пробежал глазами страницу. Это было как раз то, на что они с Энджи так надеялись. Опека возлагалась на него. В конце листа красовалась замеченная им еще раньше королевская печать. Не говоря ни слова, Джим передал пергамент Энджи. Ее глаза были полны слез.

– Надо это отметить, – сказал Джим. Он повернулся к сэру Джону:

– Не знаю, как благодарить тебя, сэр Джон. Мы рассчитывали получить ответ, в лучшем случае, через несколько месяцев. Я прекрасно понимал, что на него могут уйти и годы.

– Иногда случаются чудеса, – сказал сэр Джон. – Придворные сочли, что будет лучше, если его величество убедится в безопасности Роберта Фалона как можно быстрее, а это позволило избежать обычных формальностей. Вы должны быть благодарны еще и епископу Бата и Уэльса, Ричарду де Бисби. Он посетил двор, и его уверения в вашей полной благонадежности произвели на короля должное впечатление, да хранит его Господь.

– Аминь, – смиренно проговорили Джим с Энджи.

Джим даже закашлялся, чтобы скрыть смущение. Последние слова сэра Джона произнес с совершенно бесстрастным видом, и Джим представил себе, как епископ, приняв осанистую позу, своим сочным голосом убеждает короля принять нужное решение, в то время как единственное желание того – вообще не принимать никаких государственных решений.

– Ты не против небольшого торжества, ведь тебе утром снова в дорогу? – спросил Джим сэра Джона.

– Если небольшого, то, конечно же, нет, – согласился сэр Джон.

Лучшие блюда и лучшие вина украсили стол в большом зале. Известие, привезенное сэром Джоном, чудеснейшим образом распространилось по всему замку, и скоро радостная весть стала известна всем, вплоть до последнего слуги, так что каждый ходил с видом именинника, будто опека над Робертом Фалоном была возложена не на одного Джима, а на всех без исключения обитателей замка.

Праздничное настроение не покидало всех до утра, а утром Джим и Энджи еще долго махали вслед сэру Джону Чендосу и его людям, отправившимся в дальнейший путь.

Праздник кончился, и, медленно пересекая двор и так же медленно поднимаясь по лестнице к себе в комнату, Джим и Энджи вдруг почувствовали, что вместе с праздником исчезает и ощущение той приподнятости, которая вселилась в них с появлением сэра Джона. Оба не проронили ни слова, пока не оказались в комнате, и уже там, еще немного помолчав и глядя не на Джима, а куда-то в окно, Энджи решила заговорить первой.

– Ну что ж, – тихо сказала она, – теперь ты можешь ехать.

– Ехать? – вопросительно произнес Джим. Он, кажется, понял, о чем идет речь, но что он мог ответить Энджи...

– Ты отлично понимаешь, что я имею в виду, – сказала Энджи. Она повернулась к Джиму. – В Пальмиру, куда уехал Брайен. Я думаю, он уже там. Теперь ты можешь присоединиться к нему.

– Да нет, что ты! – все еще не соглашался Джим.

– Знаешь, – продолжала Энджи тем же тихим голосом, – недавно я подумала, что бы чувствовала я, окажись на месте Геронды, если бы ты отправился на поиски моего отца один, без Брайена.

– Это совсем не то же самое, – сказал Джим. – Теперь, когда мы обрели Роберта Фалона, мы стали настоящей семьей. Кроме того, – Джим попытался вызвать у Энджи улыбку, – я удивлен, даже крайне, что ты не отпустила бы меня на прогулку одного, без Брайена.

– Совсем не смешно, – сказала Энджи, посмотрев Джиму в глаза. – Я беспокоюсь о тебе гораздо меньше, когда с тобой Брайен, и гораздо больше, когда его нет рядом.

– Так или иначе, – сказал Джим, – мы отказали Брайену. Он уехал несколько недель назад. Теперь уже ничего не поделаешь.

– Неужели?

– Ну хорошо. – Джим все еще чувствовал себя неуверенно. – Допустим, мне удастся разыскать его. Но ты же сама говорила, что не хочешь, чтобы я уезжал.

– Конечно, не хочу, – сказала Энджи. – Но может быть, я не права, и тебе надо ехать.

– Кто может судить об этом с уверенностью?

– Может быть, мы сами. В любом случае надо сначала поговорить с Герондой.

Джим уставился на Энджи:

– Ты что, уже приняла решение?

– Да, – почти зло сказала Энджи. – Но я хочу, чтобы мы оба сначала поговорили с Герондой.

– Неплохая мысль, – сказал Джим. – По правде говоря, меня до сих пор мучит совесть, что я отказал Брайену. Действительно надо повидать Геронду и узнать, что она обо всем этом думает. Может быть... Ладно, отправимся для начала к ней.

Джим встал.

– Как, прямо сейчас? – спросила Энджи.

– Еще не так поздно.

– В такую погоду до нее ехать не меньше трех часов. И если уж мы начнем выяснять отношения, возвращаться будет поздно. Придется остаться на ночь. А это значит, надо брать с собой постельные принадлежности. Я люблю Геронду, но лягу в постель, застланную чужим бельем, только под страхом смерти. А ты не можешь перенести нас к ней с помощью магии?

– Каролинус предостерегал меня от излишних затрат энергии, хотя я и обладаю ее неограниченным запасом, – сказал Джим. – Мне следовало рассказать тебе о нашей с ним встрече подробнее. Но как раз в тот день приехал Брайен, и разговор с Каролинусом вылетел у меня из головы. Он советовал мне не тратить энергию по пустякам, с тем чтобы иметь ее запас в случае крайней необходимости.

– Тогда, может быть, ты сможешь, обернувшись драконом, перенести меня в Малверн на себе?

– Нет, – медленно начал Джим, – драконы не обладают большой грузоподъемностью. Транспортировка взрослого человека им не по силам. Вспомни сказку из двадцатого века об орле и ребенке. Сказка, она и есть сказка. А правда заключается в том, что орлу не поднять ребенка весом в десять фунтов. Так и дракону не унести взрослого человека. Я еще, пожалуй, смогу оторвать тебя от земли и пронести на небольшое расстояние, но в конце концов выбьюсь из сил, и придется садиться. – Он помолчал. – Ты, конечно, не отпустишь меня одного... Конечно, нет, – ответил сам себе Джим, увидев, что Энджи уже открывает рот.

– Ты прав, не отпущу. Послушай, может, ты все-таки воспользуешься магией, скажем, – в виде исключения?

– Да нет. Таких исключений из правил у меня было предостаточно. Подожди, кажется, есть одна мысль.

– Какая еще мысль? – Энджи выжидательно посмотрела на Джима.

– Все очень просто. Я превращу в дракона и тебя. Для этого не надо много энергии.

– Меня? В дракона? Ты можешь это сделать? – Не успев как следует испугаться, Энджи улыбнулась. – А почему бы и нет? Никогда не была драконом. Как это нам раньше не приходило такое в голову?

– Раньше не было необходимости, – сказал Джим. – Тебе лучше одеться потеплее, может случиться так, что нам придется обернуться людьми вне теплых стен. – И Джим направился к вешалке за своим плащом.

Одевшись по погоде, Джим и Энджи поднялись на крышу башни. Заметив караульного, Джим кивнул ему:

– Томас, можешь на несколько минут спуститься вниз погреться.

Обрадованный караульный исчез на лестнице.

– Когда ты превратишь меня в дракона? – спросила Энджи.

– Прямо сейчас, – ответил Джим. – Пойдем.

Он направился к стоящему на каменном помосте котлу – сейчас пустому, – имеющему важное назначение: нагревать масло для увещевания тех, кто вздумает штурмовать замок. Джим взобрался на помост и подал руку Энджи. Теперь они оказались на уровне зубцов башни, откуда открывался вид на окрестности замка и ничто не мешало подняться в воздух.

– Отойди немного в сторону. Тебе понадобится больше места, – сказал Джим. – Всего на несколько футов. Вот так. Теперь хорошо. Приступим!

Джим и Энджи превратились в драконов. Их одежда исчезла, но маленькое чудо происшедшего превращения на этот раз было рассчитано и на то, что она вернется к своим хозяевам, как только те примут человеческий облик. По сравнению со своими первыми опытами Джим добился больших успехов – раньше при каждом превращении в дракона ему приходилось или полностью раздеваться, или мириться с потерей очередного предмета своего гардероба.

– Из тебя получился симпатичный дракон, – сказал Джим Энджи.

– Дракон? Ты сказал, дракон?

– Я имел в виду – симпатичная дракониха. Если бы я был все время драконом, то непременно...

– Ладно уж. Поверю тебе, – сказала Энджи. – А что теперь?

– Теперь тебе остается прыгнуть вниз, расправить крылья и лететь.

Энджи посмотрела вниз.

– Джим, – немного помедлив, сказала она, – я передумала. Может быть, в другой раз.

– Не глупи.

– Но я боюсь.

– Вспомни, что ты говорила мне, когда я впервые оказался в шкуре дракона. Помнишь пещеры клиффсайдских драконов? Мы были предоставлены самим себе, и ты предложила мне лететь за помощью к Каролинусу. Думаешь, я сгорал от желания прыгнуть с отвесной скалы?

Но ты уверила меня, что все кончится благополучно. Вспомни свои слова: Все получится само собой. Как только ты окажешься в воздухе, сработает рефлекс. Вспоминаешь?

– Я действительно так сказала? Я была не права.

– Нет, ты была права. В действительности все так и происходит. У тебя сейчас новое тело, и оно наделено присущими ему инстинктами и рефлексами.

– Я в этом не уверена.

– Кроме того, я буду рядом и, если что-то случится, подхватю тебя в воздухе.

– Я не уверена, – сказала Энджи. – Я боюсь. Не хочу больше быть драконом. Преврати меня в человека, Джим. Прекрати это...

Последние ее слова потонули в крике. Воспользовавшись своим преимуществом в весе, Джим просто толкнул Энджи, и она заскользила с помоста к краю башни, лихорадочно цепляясь за скользкий камень.

– Так поступает самка со своими птенцами, когда тем приходит время летать, – сказал Джим. – Да и самец тоже, – добавил он, увидев, как Энджи в последний раз попыталась удержаться на краю помоста и наконец рухнула в пустоту.

Не успела она пропасть из виду, как послышался шум крыльев и Энджи пронеслась мимо Джима вверх, быстро набирая высоту, – так истребитель стремится вырваться на оперативный простор.

По существу, Энджи поступила так же, как и Джим во время своего первого опыта. Только бы не упасть – это, пожалуй, единственное, о чем он тогда думал. И эта человеческая мысль, передавшаяся телу дракона, привела к бурной активности каждую клетку моментально заработавших крыльев.

Джим поспешно спрыгнул с башни и, расправив крылья, стал набирать высоту вслед за Энджи.

Работать одними крыльями, как делала сейчас Энджи, – не лучший способ передвижения в воздухе. Усталость быстро дает о себе знать. И Джим лишний раз убедился в этом, наблюдая, как Энджи сначала уменьшила частоту взмахов, а затем и вовсе перестала работать крыльями, которые тут же инстинктивно расправились, обретя необходимую жесткость, и Энджи начала парить, подхваченная одним из восходящих воздушных потоков. Джим уже парил рядом с ней.

– Где я?

– В воздухе, на высоте примерно две тысячи футов.

– Две тысячи. – Она посмотрела вниз. Последовало долгое молчание. – Две тысячи, – повторила она.

– И этого вполне достаточно, чтобы беспрепятственно долететь до замка Малверн, – сказал Джим. – Следуй за мной. В полете я обычно пользуюсь теплыми воздушными потоками, такими как тот, в котором мы сейчас находимся. С их помощью мы и доберемся до цели. Считай, что ты просто плаваешь.

– Ладно, – согласилась Энджи, хотя по ее голосу было понятно, что она пока имеет смутное представление о том, что делает.

Тем не менее Джим и Энджи продвигались вперед, переходя из одного воздушного потока в другой, поднимаясь с теплым восходящим слоем очередного потока и опускаясь с его холодным нисходящим слоем. Джим парил молча, давая Энджи возможность освоиться с новым для нее способом передвижения. Первой возобновила разговор Энджи.

– Мы летим не в том направлении, – сказав ла она.

– Приходится делать крюк, чтобы лететь по ветру, – ответил Джим. – Крюк не так и велик. Наши крылья сродни парусам, и мы должны управлять ими, чтобы поймать ветер. Мы летим в Малверн по дуге.

Опять наступило долгое молчание. Джим и Энджи перемещались из одного теплого воздушного потока в другой, набирая высоту там, где видневшиеся темными пятнами деревья внизу отражали тепло, нагревая воздух. Наконец Энджи заговорила снова.

– Никогда не прощу тебе этого, Джим, – сказала она, правда, на этот раз спокойным голосом. – Никогда в жизни. Надо же догадаться столкнуть меня с башни. Я могла разбиться насмерть.

– Я знал, что этого не случится. Как не случилось и со мной при моей первой попытке. Ты не разбилась бы, даже если бы захотела. Твое тело среагировало инстинктивно, как происходит с птенцом, вытолкнутым матерью из гнезда.

– Все равно никогда тебе этого не прощу, – сказала Энджи. – Хотя это здорово. Мне нравится летать. Почему ты не превращал меня в дракона раньше?

– Знал, что ты не захочешь прыгать с башни.

На самом деле все было, конечно, не так. Просто подобная мысль даже не приходила Джиму в голову. Но Энджи вроде бы сменила гнев на милость, и не стоило выводить ее из этого состояния.

– Тебе действительно нравится?

– Конечно, – сказала Энджи. – А знаешь, мне совсем не холодно, хотя должно быть совсем наоборот.

– Драконы не боятся холода, – пояснил Джим. – Они плохо переносят жару, я убедился в этом на собственной шкуре. Потом, мы же летим по ветру, а не против него.

– Подумать только, теперь мы сможем летать всюду вместе.

Джим никогда и не мыслил об этом. Он все еще обдумывал все «за» и «против» такой перспективы, когда впереди показался замок Малверн. Оставался длинный планирующий спуск, и они с Энджи сядут на башню замка.

Как и в Маленконтри, караульную службу на башне замка Малверн нес всего один человек, вооруженный кроме меча еще и копьем. Видимо, оружие не явилось для караульного подспорьем, так как, увидев приближающихся драконов, он все более и более цепенел, пока ужас не приковал его к месту.

И все-таки, когда Джим и Энджи с грохотом приземлились на расстоянии пятнадцати футов от караульного, он нашел в себе силы издать отчаянный вопль, даже близко не напоминавший тот показной крик, которым встречали Джима его люди, – юркнуть в люк и броситься вниз по каменной лестнице.

Послышался удаляющийся топот, где-то хлопнула дверь, снова открылась, и наконец снизу раздался громкий голос Геронды:

– Кого это еще черт принес?

Глава 5

Послышались торопливые шаги – кто-то подымался по лестнице. Наконец в люке показалась Геронда с оружием, явно позаимствованным у караульного. Она выбралась на крышу, держа в одной руке копье, а в другой – обнаженный меч. Геронда уставилась на незваных гостей.

– А, драконы! Вы не туда попали. Вам нужен Маленконтри. Это двенадцать миль к западу. – Геронда подняла меч в нужном направлении.

– Это мы, Геронда, – поспешил сообщить Джим и тут же вернул себе и Энджи человеческий облик. Геронда опустила оружие.

– Вы? – Геронда не сразу пришла в себя. – И ты тоже дракон, Анджела?

– Это Джим постарался. Впервые оказалась в таком наряде, – произнесла Энджи с ноткой самодовольства в голосе. – Получила большое удовольствие. Но, черт побери, зачем тебе копье и меч? Неужели ты надеялась справиться с двумя драконами?

– Я бы заставила их крепко подумать, прежде чем еще раз появиться здесь, – сказала Геронда. – Так ты говоришь, Джим обратил тебя в дракона и вы решили прилететь ко мне?

– Как раз наоборот, – сказала Энджи. – Мы собрались нанести тебе визит и решили лететь вместо того, чтобы скакать верхом. Так быстрее.

– Очень мило, что вы вспомнили обо мне, – начала Геронда, но ее прервал шум на лестнице.

Из люка показался высокий длинноносый чернявый человек. Это был Бернар, начальник стражи Малверна. Он держал за шиворот караульного.

– Вздернуть его, миледи? – спросил Бернар у Геронды, выбравшись с караульным на крышу. – Он оставил свой пост и трусливо бежал от неприятеля.

– Полагаю, – сквозь зубы произнесла Геронда, – о такого никчемного стража не стоит и руки марать... Хотя он нам больше не нужен, раз у него кишка тонка.

Караульный, который и так находился в полуобморочном состоянии, услышав приговор Геронды, совершенно обмяк и не падал только потому, что Бернар продолжал держать его за шиворот. На выручку караульному пришел Джим:

– Если ты не против, Геронда, я хочу заступиться за этого парня. Думаю, он оставил свой пост, завидев нас, с единственной целью предупредить тебя об опасности. Поэтому он и убежал так стремительно.

– Полагаю, у него и в мыслях такого не было, – ответила Геронда, все еще зло поглядывая на чуть живого стражника, повисшего на руке Бернара.

– Почему же, – поспешила вмешаться Энджи, – с твоего позволения, Геронда, я хочу сказать, что, прежде чем скатиться по лестнице, он кричал что-то вроде «Миледи в опасности».

– Так уж и кричал, – недоверчиво проговорила Геронда. – Что-то на него не похоже. Ладно, Бернар, убери его. Пришли другого. А что касается этого, оставь его на три дня без еды. Пусть хорошенько подумает, как надо нести службу.

Бернар поволок стражника вниз.

– Может быть, спустимся в мою комнату? – предложила Геронда. – Заранее прошу прощения за ее убранство, Анджела. В большой зал мы пройдем позже. Вы, кажется, хотите побеседовать со мной наедине. По правде говоря, я и сама собиралась в Маленконтри, чтобы встретиться с вами.

Все трое отправились вниз по лестнице. Комната Геронды, как и комната Джима с Энджи в Маленконтри, располагалась в верхней части башни, но удобствами и интерьером вполне соответствовала стандартам четырнадцатого века. Бедность обстановки сразу бросалась в глаза. Правда, в комнате имелся большой камин, в котором весело потрескивали дрова, а в

окна были вставлены стекла, в преимуществе которых Геронда убедилась, побывав в Маленконтри, и которыми обзавелась сразу же, как только собрала деньги.

И все-таки в комнате было неудобно. Может быть, решил Джим, тому виной жесткие стулья и пол без подогрева. Так или иначе, комната Геронды явно уступала их комнате в Маленконтри.

Зато бросалась в глаза неожиданно большая кровать с балдахином на четырех столбиках, с которого ниспадал полог, призванный защищать от холода отошедшую ко сну госпожу.

И конечно, следовало отдать должное слугам. Они были вышколены наилучшим образом, что в известной мере скрадывало разницу между Маленконтри и Малверном. Не успели Геронда и ее гости сесть, как в дверь постучали и в комнату, получив соизволение Геронды, вошел слуга с печеньем, вином и водой, принесенными из буфетной. Он вопросительно посмотрел на Геронду и, вторично получив ее одобрение, поставил принесенное на стол.

– Теперь оставь нас одних и не появляйся, что бы ни случилось, – бросила ему Геронда.

– Слушаюсь, миледи, – повиновался слуга и, не переставая кланяться, попятился к выходу, пока не исчез за дверью.

– Как я уже говорила, я хотела поехать в Маленконтри, – сказала Геронда, после того как вместе с гостями отдала дань печенью и смешанному с водой вину. – Но может быть, лучше вы первыми расскажете о цели своего визита?

– Нет-нет, – торопливо произнесла Энджи. – Говори первой.

– Хорошо... – начала Геронда и ненадолго задумалась. – Конечно, не мое это дело – говорить за сэра Брайена. Он рыцарь и благородный человек и может сам о себе позаботиться. Не сомневаюсь, он сказал вам, что больше не стоит касаться некоей проблемы. На именно ее я и хочу обсудить с вами.

– Выкладывай все как есть, Геронда, – сказал Джим.

– Ты иногда странно выражаешь свои мысли, Джеймс, – сказала Геронда. – Но пусть будет по-твоему. Я действительно была готова выложить все как есть, собираясь к вам. Вы с Энджи знаете чуть ли не с начала нашего знакомства, что мы с Брайеном обручены.

– Конечно, – подтвердил Джим. – О твоём расположении к нему он сообщил мне при первой же встрече.

Глаза Геронды слегка затуманились:

– С него станется. Таким уж он уродился. Но когда два рыцаря встречаются впервые, между ними зачастую возникают разногласия. Между вами ничего такого не было?

– Разногласий не было. Наоборот, нами владели одни и те же эмоции. Я рассказал Брайену о своей любви к Энджи, а он признался, что любит тебя, Геронда, и предложил сразиться во имя наших прекрасных дам.

– Он признался, что любит меня! – воскликнула Геронда. – Но вы так и не сразились?

– Нет, – ответил Джим. – Тогда это было несуразно. Я пребывал в обличье дракона и не мог обернуться человеком, а когда мы встретились с Брайеном во второй раз, то оказались в одном лагере и сражаться между собой было по меньшей мере глупо. Как видишь, я достаточно хорошо осведомлен о том, что вы с Брайеном давно симпатизируете друг другу.

– Давно! Гораздо дольше, чем ты думаешь, – сказала Геронда. – Даже дольше, чем мы с Брайеном себя помним.

– Так ты знаешь Брайена с самого детства? – спросила Энджи.

– Мне кажется, мы знаем друг друга всю жизнь, – ответила Геронда. – Мать Брайена умерла почти сразу после его рождения. Наши семьи были соседями, а отцы – закадычными друзьями, сделанными к тому же из одного теста. Так что мы с Брайеном росли вместе. Я, правда, редко бывала в замке Смит, зато Брайен проводил у нас почти все свое время.

Энджи с любопытством взглянула на Геронду.

– Странно, правда? – продолжала хозяйка Малверна. – Но все катилось само собой. Отец Брайена поддерживал отношения со своими родственниками, Невиллами из Рейби, и, насколько я понимаю, надеялся, выполняя их поручения, поправить свое благосостояние. Невиллы имели обширные деловые связи, и он беспрестанно разъезжал, отправляясь в основном на континент, чаще всего во Францию или Италию. Когда его отец уезжал, Брайен оставался в Малверне.

– Твой отец, наверное, был Брайену ближе, чем его собственный? – спросила Энджи.

– Нет, – ответила Геронда, – мой отец тоже не засиживался дома. Выручала хорошо вышколенная прислуга. После того как умерла моя мать, а мне тогда было семь лет, за нами ходили местные женщины. Все было пристойно. Замок Смит и в те времена выглядел не лучше, чем в нынешние. Вы его видели. Малверн оказался для Брайена просто находкой. Других подходящих поместий в округе не имелось, а обосновавшиеся тогда в Маленконтри сэры Эдмар Клейв и его родственники были не теми людьми, на попечение которых можно оставить ребенка. Брайена оставляли с нами, и мы росли вместе.

– И с какого возраста? – спросила Энджи.

– Брайену было семь, а мне – пять. Возможно, нам случалось бывать вместе и раньше. Но я помню себя с пяти лет. Каждый год мы проводили с Брайеном какое-то время, жили как брат с сестрой, и менее всего можно было ожидать, что мы влюбимся друг в друга.

– Так уж случилось. – В голосе Энджи прозвучала поощрительная нотка.

Джим посмотрел в окно. В небе проплывали облака, над деревьями кружил ястреб, выслеживая добычу. Жар от камина и вино – а Джим имел глупость выпить полкубка – сделали свое дело. Глаза слипались, а разговор при попустительстве Энджи, похоже, мог скатиться к фразам: «А не жил ли ваш дядюшка там-то и там-то?», «А не был ли он знаком с моими тамошними родственниками?» Джим предпринимал героические усилия, чтобы не заснуть.

Геронда кивнула Энджи в знак согласия.

– Сначала мы и не подозревали о нашей любви. Просто чувствовали, что нам не хватает друг друга, когда жили порознь. И были просто счастливы, оказавшись вновь под одной крышей. Конечно, между нами случались и драки, да еще какие. И все-таки однажды мы поняли, что любим друг друга. Позже, став старше, в один из немногих дней, когда отец был дома, я сказала ему, что выйду замуж только за Брайена.

– Он был против? – спросила Анджела.

– Как я уже говорила, он все время разъезжал. Надеялся заработать кучу золота. Но у него ничего не получалось. Они с отцом Брайена гонялись за богатством, как за призраком. Когда отец услышал о моем намерении, он пришел в ярость и заорал, что никогда не даст согласия на мой брак с Брайеном, что меня, мол, ждет принц или, по меньшей мере, герцог. Нажать богатство и удачно выдать меня замуж – ни о чем другом отец и не помышлял. Он и знать не хотел, что Брайен мне дороже любого принца.

Геронда повернулась к Джиму. Джим встрепенулся и постарался как можно шире открыть глаза.

– Поэтому я и собиралась в Маленконтри, чтобы поговорить с вами обоими, Джеймс. Брайен рассказал мне, что ты добиваешься милости короля в деле об опеке над Робертом Фалонном и что тебе, возможно, самому придется предстать перед его величеством. Потому ты и не можешь уехать из Англии. Я это хорошо понимаю, да и Брайен тоже.

– Спасибо... – Джим чувствовал себя неуютно. Не вызывало сомнения, что Брайен был обескуражен отказом Джима отправиться вместе с ним на поиски отца Геронды, Правда, по средневековым понятиям, Джим и не мог поступить иначе, даже принимая во внимание дружбу с Брайеном. Земля и деньги превыше всего.

Конечно же, Брайен не осудил Джима. Но они были товарищами по оружию, им случилось вместе проливать кровь. Настоящий рыцарь, на которого старался походить Брайен, пре-

небрег бы деньгами и собственностью Фалона, чтобы помочь товарищу, Геронда явно придерживается таких же взглядов.

– Спасибо... – невнятно повторил Джим.

– Джеймс, не подумай, что я не одобряю твоих действий, – серьезным тоном продолжала Геронда. – В жизни приходится принимать трудные решения. Я знаю, при мысли о путешествии в Святую Землю твое сердце забилося так же сильно, как и сердце Брайена. Представляю, как нелегко было подавить естественное желание помочь собрату по оружию. Сейчас ты обеспокоен судьбой поместья Фалона и, по-видимому, ни о чем другом и не думаешь. И все-таки я собиралась ехать в Маленконтри и молить вас принять важное для меня решение несмотря ни на что.

– Дело в том, Геронда... – начал Джим, но хозяйка Малверна вновь прервала его:

– Подожди. Выслушай меня до конца, прошу тебя, Джеймс.

– Хорошо. – Джим еще никогда не чувствовал себя так неловко.

– Я хочу кое-что сказать вам. Может быть, напрасно. Но я так же откровенна, как и Брайен. – Геронда посмотрела на Энджи:

– До тебя, Анджела, у меня не было близкой подруги. Я ни с кем не могла сойтись. Все женщины, за исключением немногих, которые уже в годах, болтливы, бесхарактерны, заносчивы. Считают, что всегда и во всем правы. Доведись мне иметь такую наперсницу, я бы постоянно ругалась с ней. Но ты не такая, Анджела.

– Геронда... – попыталась вставить слово Энджи, явно смущенная признанием подруги, как не без ехидства отметил Джим, не так давно переживший те же ощущения.

– Главное – иметь общие взгляды, – сказала Геронда. Она снова переключилась на Джима:

– А почему Брайен уехал один, Джеймс? У него тоже никогда не было друзей, близких ему по духу и положению. С теми, кого он знает, Брайен постоянно сражается на турнирах. Хорошо еще, что он искуснее многих. Уважением Брайена пользуются всего несколько человек, а полным доверием – лишь один из них, сэр Джон Чендос, который намного старше Брайена и так искушен в вопросах войны и мира, что Брайену до него далеко. С остальными Брайен сражается. Вы помните его поединок с сэром Гаримором на турнире у графа? Когда-нибудь Брайен убьет Гарри, если только не случится обратное. А пока Брайен воздаст сэру Гаримору должное за умение владеть оружием, но и только. Нельзя сказать, что Брайен ни к кому не расположен. Ему нравится лучник Дэффид ап Хайвел, потому что тот простолюдин. Конечно, ни о каком соперничестве между ними не может быть и речи, и Брайен не стесняется говорить, что Дэффид превосходит своим искусством не только других, но и его самого. – Геронда снова повернулась к Энджи:

– Разве ты не слышала от Даниель, что Дэффид, как и Брайен, не может найти равных в своем окружении? Когда они начали жить вместе с ее отцом Жилем Волдским среди его изгоев, Дэффиду для самоутверждения пришлось помериться силами с каждым из этих молодцов, причем порой ему удавалось побеждать сразу двоих.

– Я знаю об этом, – ответила Энджи и посмотрела на Джима.

– Впервые слышу, – сказал Джим. – Но я не удивлен.

– Ну вот я и добралась до сути дела, Джеймс, – продолжила Геронда. – Как мне сообщил достопочтенный сэр Джон Чендос, вопрос об опеке над Робертом Фалоном решен в твою пользу. А Брайен до сих пор один в пути. – Геронда немного помедлила. – Он не рассчитывает, что ты отправишься вдогонку за ним, Джеймс. Даже если бы Брайен знал, что дело об опеке успешно разрешилось, он не обратился бы к тебе еще раз за помощью. Но ты много для него значишь, Джеймс. Ты единственный, кого Брайен считает равным себе. И единственный, на кого он может положиться в трудную минуту.

– Геронда, я далеко не блестяще владею оружием. Брайен, если бы захотел, мог набрать дюжину рыцарей или просто людей, поднаторевших в драках. Эти люди явились бы ему лучшей подмогой, чем я.

– Не в этом дело, Джеймс, – подалась вперед Геронда. – Ты, возможно, никогда не станешь великим воином и даже не научишься сносно владеть оружием. Прошу прощения, что говорю без обвиняков. И тем не менее Брайен безоговорочно доверяет тебе.

– Ты, наверное, имеешь в виду мою магию, – сказал Джим. – Но все получилось случайно, Геронда. Если бы я ненароком не превратился в дракона, я бы никогда не пошел в ученики к магу. А так мне пришлось изучать новую для меня науку, чтобы овладеть искусством правильно распоряжаться дарованной мне магической энергией. Все вышло чисто случайно.

– Нет, – сказала Геронда, – дело не в этом. Мы действительно отдаем должное твоим мужеству и уму, которые подвигли тебя на изучение этого странного ремесла. Но Брайен ценит тебя прежде всего за то, что ты, как и сэр Джон Чендос, настоящий рыцарь. И никогда не совершишь ничего, что противоречило бы рыцарской чести.

– Геронда... – Джим чувствовал себя беспомощно. Выслушивать подобные комплименты нелегко. Что он мог ответить? Оставалось сидеть молча и ерзать на стуле. Джим был уверен, что никоим образом не соответствует тому идеалу, достоинства которого превозносила Геронда. Он вовсе не тот человек, которому без оглядки доверяет Брайен. Но спорить с Герондой бесполезно.

– И потому я осмелилась просить тебя, Джеймс, отправиться вслед за Брайеном, найти его и сопровождать в дальнейшем. Думаю, сейчас он не дальше Кипра, если только он туда добрался. Я сообщу тебе имена хорошо известных на острове людей, разыскав их, ты найдешь и Брайена. Умоляю тебя, Джеймс, не спеши отказываться, подумай о том, что я тебе сказала.

– Геронда... – попыталась вмешаться в разговор Энджи, но тщетно.

– Так важно, чтобы именно ты помог Брайену в поисках моего отца, – продолжала Геронда. – Брайен никого не слушает, кроме тебя. Ты же знаешь, как легко он ввязывается в стычки по самому пустяковому поводу. С тобой он будет благоразумнее. Ты мудрее его. Не смотри на меня так – ты действительно мудрее Брайена. Ты сможешь уберечь его от неприятностей. Не подведешь в трудную минуту. Поэтому я и прошу тебя, нет, умоляю на коленях – поезжай и найди Брайена.

– Подожди, Геронда! – вскричал Джим, подхватив ее под руку и усадив на место. Геронда была близка к буквальному исполнению своего намерения. Сама мысль о том, что перед ним встанут на колени, повергла Джима в смущение. То, что было естественно для средневековья, никак не соотнобразовывалось со взглядами, вынесенными из двадцатого века. – Успокойся, Геронда. Я еду. Мы и явились сюда, чтобы сообщить тебе об этом.

Кровь отхлынула от лица Геронды. Казалось, силы вот-вот оставят хозяйку Малверна. Она выглядела не лучше несчастного стражника, которого недавно собирались повесить.

– Все в порядке, Геронда, – мягко сказала Энджи, подойдя к ней и обняв ее за плечи. – Джим решил отправиться вслед за Брайеном. Да не молчи же, Джим! – Энджи вопросительно посмотрела на мужа.

Если минутой раньше речь Джима была импульсивной и он вряд ли осознавал, что говорит, то теперь, после слов Энджи, он пришел в себя.

– Конечно, я еду, – как можно сердечнее произнес Джим. Он отпустил локоть Геронды, увидев, что Энджи все еще удерживает ее за плечи.

Щеки Геронды порозовели. Она вскочила со стула и бросилась целовать своих собеседников. Она перебежала от Джима к Энджи, от Энджи к Джиму, бурно выражая нахлынувшие чувства, будто бы кружилась в искрометном танце.

– Да сейчас же время обеда! – вскричала Геронда. – Мы закатим настоящий пир! Эй, есть здесь кто-нибудь?

Дверь в комнату открылась, и на пороге с обнаженными мечами в руках появились Бернар и один из его стражников.

– Уберите оружие, идиоты, – отчеканила Геронда. – Бегите на кухню и в буфетную. У нас к обеду два гостя, лорд и леди Эккерт. Пусть несут на стол все самое лучшее. Мы спустимся через пять минут. Слышите, через пять минут! И чтобы к этому времени стол был накрыт, а первое блюдо подано. Живее!

– Беги! – заорал Бернар стражнику, и того как ветром сдуло. – Прошу прощения, миледи. Прошу прощения, милорд и миледи.

Бернар ретировался, закрыв за собой дверь.

– Теперь пришла наша очередь просить у тебя прощения, Геронда, – сказала Энджи. – Нам следовало с самого начала рассказать тебе о наших намерениях. А так тебе пришлось нелегко.

– Какая разница? – возбужденно воскликнула Геронда. – Главное, я услышала то, что хотела услышать. Сегодня в вечерней молитве я возблагодарю Господа за то, что он не оставил меня своей милостью. Не сожалею ни об одном произнесенном мною слове. И не имеет значения, что я узнала о ваших намерениях только сейчас. Ты отправляешься в путь, Джеймс, а остальное не важно. Ох и отметим же мы сейчас это событие!

– Ты должна рассказать, какой путь мне выбрать и где я смогу найти Брайена, – сказал Джим.

– Ты узнаешь все, что знаю я. За обедом я повторю тебе слово в слово то, что рассказал мне Брайен, когда делился со мной своими планами. Но это будет длинное и трудное путешествие, Джеймс. Ты действительно едешь по доброй воле?

– Конечно, – ответил Джим.

– Тогда все в порядке. Хотя путешествие и не будет легкой прогулкой.

– Да ничего страшного, – сказал Джим. – Для меня это пустяки. Не забывай – я же маг.

Глава 6

– Хорош маг, – мрачно пробурчал себе под нос Джим. Что толку в магии, если ею не пользоваться. А ведь стоит произнести волшебные слова, и на тебе – молодчага окажется тут как тут.

– Что-нибудь случилось, милорд? – спросил Гоб, штатный гоблин замка Маленконтри. У него было и полное имя, данное ему Джимом, – Гоб Первый де Маленконтри, но обычно его называли просто Гобом. Он давно вылез из потайного кармана, пришитого к внутренней стороне полы плаща Джима, и примостился на правом плече своего хозяина.

– Да нет, ничего, – ответил Джим.

В том-то и дело, что ничего не случилось. Вот уже пять часов как Джим сидел на огромном камне, возвышавшемся на берегу, и ждал, вперив взгляд в Средиземное море.

Джим уже не проявлял первоначального нетерпения, просто уныло смотрел на воду. Море было спокойным, лишь волны прибоя одна за другой методично накатывали на берег, лизали серо-голубую гальку и гасли. Каждая восьмая или девятая, а иногда и шестнадцатая волна (если нарушался цикл) была самой высокой и длинной из очереди себе подобных. С приходом одной из таких волн Джим ожидал появления своего друга Рррнлфа, морского дьявола. Но того все не было.

Ничего подобного до сих пор не случалось. Обычно стоило выйти на берег моря и позвать Рррнлфа, как тот почти сразу появлялся. Более того, морской дьявол однажды сказал – или, по крайней мере, дал ясно понять, – что будет являться к Джиму незамедлительно, по его первому зову.

Рррнлф был обычным морским дьяволом, ростом около тридцати футов. Его тело имело клиновидную форму и сужалось вниз от громадной головы, посаженной на широкие плечи, к ногам, которые были всего раза в три толще ног Джима. Как довольно тонкие ноги могли нести огромную тушу, Джим так и не уразумел. Ноги морского дьявола особенно контрастировали с его руками, такими большими и мощными, что они придавали своему владельцу вид существа, которое силой наверняка превосходило бульдозер.

Морской дьявол был во всех отношениях сверхъестественным существом. То, что он делал, иначе как волшебством и назвать нельзя. Но его способности были даром природы, а не сознательным проявлением собственных возможностей. В своей непосредственности Рррнлф походил на виляющую хвостом собаку. Находясь в морской пучине, возможно, даже на глубине нескольких тысяч футов, он дышал, добывая кислород из воды, а выходя на сушу, дышал воздухом. Оба процесса не составляли для него никакого труда. Рррнлф даже не задумывался над их сутью, просто принимал за должное.

Конечно, и Гоб не прост. И хотя его обычное место было в буфетной Маленконтри, а не в морской пучине, он принадлежал к той же категории существ, что и Рррнлф, только находился в другом конце ряда этих необычных созданий.

– Милорд кажется, опечален. – Робко напомнил о себе Гоб. – Может быть, разрешишь прокатить тебя на струйке дыма? Тебе стоит только развести небольшой костер.

– Нет, – односложно ответил Джим, хотя мог бы проявить и большую любезность: гоблин очень раним. – Спасибо, Гоб, – сказал Джим как можно мягче. – Я не хочу сейчас трогаться с места.

– Хорошо, милорд, – отозвался Гоб. Джим снова уставился на волны. Рррнлф где-то там, под водой. Может быть, он забыл о Джиме или с ним что-то случилось? В океане есть существа и побольше Рррнлфа. Взять хотя бы Гренфера, глубоководного реликтового головоногого, или кракена, как его называют в Скандинавии. Это же настоящий монстр!

И все-таки Джим не зря оказался на Кипре. Несколько человек видели здесь Брайена, и никто не слышал, чтобы тот отплыл или собирался отплыть с острова. Тем не менее прошла неделя, а найти Брайена так и не удалось.

Если Брайен уже на пути в Триполи, Джим попросту теряет время. Если же тот еще на острове, надо отыскать его как можно скорее.

Джим поднял голову. Казалось, сама природа смеялась над ним и взывала к умиротворению. Синее море, песчаный берег, усеянный обкатанной водой галькой, теплый, пахнущий солью ветер, слегка обдувающий лицо. Берег был пуст. Лишь какая-то собака, по виду дворняжка, рыскала среди камней. Маленькая, тощая, с короткой рыжевато-коричневой шерстью. Уродилась она с такой шерстью или просто грязная, сказать было трудно. Во всяком случае, собака представляла собой невзрачное зрелище и наряду с приунывшими Джимом и Гобом явно не вписывалась в окружающую картину. Но собака не обращала на Джима внимания, да и Джиму было не до собаки.

Джим снова уставился на волны. Его неоднократные громкие призывы, обращенные к Рррлфу, не возымели действия. И теперь Джим решил сконцентрировать внимание и попробовать вызвать зрительный образ морского дьявола, чтобы с помощью реверберации лишний раз напомнить о себе Рррлфу, где бы тот ни находился.

Но усилия Джима ничего не давали, а использовать магию он не хотел.

Неожиданно кто-то заговорил рядом с Джимом.

– О великий, могущественный и сострадательный волшебник, – услышал Джим тонкий, с хрипотцой голосок, – молю тебя, помоги мне в моем горе, и ты будешь вознагражден стократно.

Джим встрепенулся и увидел рядом с собой пса – того самого, который недавно бродил среди камней.

То, что с ним заговорило животное, не удивило Джима, хотя это была первая говорящая собака, с которой он столкнулся в своей жизни. В этом средневековом мире разговаривают все, кому не лень. Почему бы и собаке не знать человеческого языка?

Одним из закадычных друзей Джима был Арагх, английский волк, который не только отлично говорил, но и высказывал порой здравые и конкретные суждения. Под стать ему был и нортумбрийский волк, которого Джим встретил у шотландской границы. До сих пор Джим просто думал, что в этом мире четырнадцатого века волки говорят на языке людей, а собаки – нет. Выходит, у правила есть исключения. Правда, многие собеседники оказывались не из приятных, а тут еще Джима потревожили в самый неподходящий момент, когда он пытался мысленно напомнить о себе морскому дьяволу.

– В чем дело? – резко спросил Джим.

– Я в отчаянном положении. Взываю к твоей милости, о могущественный, – проговорил пес, виляя хвостом.

– Да что тебе надо?

Пес стал тереться о правую ногу Джима. Тут же в голову полезли мысли о вшах, блохах и – не дай Бог – кожных болезнях. Но Джим не отодвинул ногу. Он любил собак, даже таких облезлых, как эта, и умел с ними ладить.

– Прошу твоей защиты, о великий и непобедимый, – продолжал пес, понизив голос. – Я сбежал от злого джинна, который жестоко обращался со мной. И вот здесь, на берегу моря, я увидел тебя, творящего заклинания. Ты настолько же могущественнее и сильнее моего недруга, насколько он могущественнее и сильнее меня. Поэтому я и решился просить тебя о помощи. Благодаря своему искусству ты, конечно, уже понял, что я тоже джинн, и потому я предстал перед тобой в виде собаки, а не в своем истинном обличье.

Впервые за последние несколько часов Джим забыл о морском дьяволе. В речи пса прозвучала явно фальшивая нотка.

В том, что живое существо – будь то собака или джинн – признало в нем мага, ничего удивительного не было. Такое случалось и раньше. Всегда существовала вероятность того, что разного рода твари то ли чутьем, то ли нюхом, то ли каким-то другим способом отличат его от простого смертного. Но чтобы какой-то пес смог проследить за умственной деятельностью человека – такого Джим и представить себе не мог.

Джим насторожился. Опыт подсказывал ему, что лучше не торопиться разочаровывать в себе ненароком подвернувшегося молодчика. Чем дольше тот заблуждается в его возможностях, тем легче разобраться в сложившейся ситуации. Этого требует собственная безопасность, не говоря уже о безопасности Гоба.

Джим знал, что находится на территории, подвластной джиннам Среднего Востока. Если пес действительно одно из этих существ, то разумнее всего сначала выяснить, что он умеет делать, и как можно дольше оставлять его в неведении относительно собственных возможностей.

– Ты сказал, что ты джинн? Но прежде чем оказать тебе покровительство, я хочу выяснить, насколько тебе можно доверять. Начнем с того, действительно ли ты тот, за кого себя выдаешь.

– Да джинн я, джинн, – заголосил пес и обежал вокруг Джима, будто хотел убедиться, не подслушал ли кто его признание.

– Ну будет тебе, – сказал Джим. – Конечно же, я сразу понял, что ты джинн, хотя и выглядишь как собака. Но может быть, тебя лишили волшебной силы из-за того, что ты натворил кучу бед, и ты осужден быть псом до конца своих дней. Докажи сначала, что можешь принять свое истинное обличье.

– Может, не надо? – боязливо шепнул на ухо Джиму Гоб.

– Помолчи, – бросил Джим через плечо. Он снова посмотрел на пса:

– Ну?

Собака обернулась джинном.

– Скажи, когда можно открыть глаза, – снова прошептал Гоб.

– Ну что ж. Прекрасно. Можешь снова превратиться в собаку, – удовлетворенно проговорил Джим и повернул голову к Гобу:

– Все в порядке, Гоб. Открывай глаза.

Существо, промелькнувшее перед глазами Гоба и представшее перед Джимом, являло собой огромную особь мужского пола, обтянутую серой кожей. Грудь джинна была едва прикрыта нательной фуфайкой, а на необъятном животе каким-то чудом держались широкие, ниспадающие складками фиолетовые шаровары. На лицо джинна лучше было и не смотреть. На лбу между двумя глазами красовался третий, рот был сдвинут в сторону, а его правый уголок приподнят, будто в усмешке, но вместо того, чтобы скрасить выражение лица, придавал ему прямо-таки дьявольское выражение.

– Я вижу, ты действительно джинн, – сказал Джим, снова обращаясь к стоящему перед ним псу. – А что ты умеешь? Если бы я был обычным человеком, а не магом, ты бы обратился ко мне с просьбой помочь тебе, посулив несметные сокровища?

– Прости меня, о повелитель. – Пес снова завилал хвостом. – Я прекрасно понимаю, что бессмысленно сулить золотые горы такому неподкупному человеку, как ты.

– Покажи мне, на что ты способен, – сказал Джим. – Пусть здесь появится сундук, полный рубинов, сапфиров, алмазов и прочих драгоценных камней.

Едва Джим захлопнул рот, как появился сундук. Он был закрыт.

– Виноват, виноват, – засуетился пес. Крышка сундука откинулась. Внутри лежали драгоценные камни. Правда, необработанные – искусство огранки еще не было известно.

– Прекрасно, – Джим царственно взмахнул рукой. – Убери сундук. Эти побрякушки меня не интересуют.

Сундук исчез. Джим почувствовал легкие угрызания совести. Но он был просто обязан проверить способности джинна. К тому же умение творить чудеса имело сейчас первостепенное значение.

– Теперь расскажи мне свою историю, а уж там я решу, как с тобой поступить, – сказал Джим псу.

– Меня зовут Келб, – начал пес. – За тысячи лет я не совершил ни одного дурного поступка и никому не принес вреда. Но однажды меня захватил в рабство другой могущественный и очень злой волшебник по имени Сахр аль-Джинн. Несколько веков он принуждал меня творить зло. Наконец, устав от черных дел, я попытался бежать.

– Я не верю ему, – прошептал Гоб на ухо Джиму.

– Но меня схватил великан по имени Шарахийя, один из стражей сада моего повелителя, – продолжал Келб. – В наказание Сахр аль-Джинн бросил меня в огненное озеро. Я промучился в этом озере шестьсот пятьдесят два года три месяца две недели три дня девять часов сорок семь минут и десять секунд, после чего вновь обрел свободу.

Джим напряг память. Имена Сахр аль-Джинн и Шарахийя были ему знакомы. Кажется, они встречались в «Тысяча и одной ночи» Ричарда Бертена. Хотя нет, в книге упоминался только Сахр аль-Джинн. Вроде бы Джим читал о нем где-то еще. Может быть, в сочинениях царя Соломона. Между тем Келб замолчал. Он ждал реакции Джима.

– И что же дальше? – нарочито живо спросил Джим, стараясь выказать заинтересованность в судьбе своего собеседника. – Почему Сахр аль-Джинн освободил тебя?

– Я был освобожден не им. Меня выручил великий царь Соломон, сын Давида, который заточил Сахр аль-Джинна, а с ним и еще нескольких джинов и маридов в медные кувшины. Каждый кувшин залили свинцом и опечатали кольцом царя Соломона. Кувшин с Сахр аль-Джинном бросили в Тиберийское озеро, где этот злодей должен был покоиться вечно, не причиняя никому зла. Как только Сахр аль-Джинн был заточен в кувшин, его власть надо мной кончилась и я стал свободен.

– В таком случае твоим бедам пришел конец. Я не вижу причины, которая заставила тебя обратиться ко мне, – сказал Джим.

– В том-то и дело, что несчастья продолжают преследовать меня, – снова заговорил Келб. – Пять дней назад какой-то безмозглый подводный великан нашел кувшин с Сахр аль-Джинном и из любопытства распечатал сосуд. И теперь злодей на свободе. Он вне себя от гнева и разыскивает всех своих бывших слуг, а меня – в первую очередь. Он не может смириться с тем, что я избежал наказания, которое он на меня наложил. Сахр аль-Джинн сильнее меня, и мне с ним не справиться. Помоги мне, о повелитель!

Джим чувствовал, что услышанная им история притянута за уши. С другой стороны, перед ним выходец из волшебного мира, а в этом мире всякое случается. Может быть, Келб лишь слегка приукрасил свой рассказ.

– Что за великан выпустил на волю Сахр аль-Джинна? – спросил Джим.

– Не знаю, – ответил Келб. – Мне об этом рассказали такие же несчастные, как и я, сумевшие избавиться от Сахр аль-Джинна.

Маловероятно, что Сахр аль-Джинна выпустил на свободу Рррнлф, подумал Джим. В двадцатом веке океан занимал сто сорок два миллиона квадратных миль земной поверхности. Вряд ли его площадь в четырнадцатом веке намного отличается от известной Джиму. Океан слишком велик, и в нем достаточно места для многих морских гигантов, даже самых экстраординарных.

Но если допустить, что именно Рррнлф освободил обидчика Келба, вероятность того, что морской дьявол пострадал от встречи с Сахр аль-Джинном, все-таки слишком мала.

Джим потратил немало времени в ожидании Рррнлфа, а теперь, похоже, этот Келб в состоянии совершить многое из того, что, по расчетам Джима, мог сделать для него морской дьявол.

– Есть какое-нибудь безопасное место, где ты можешь спрятаться, пока я не призову тебя? – спросил Джим.

– Найдется, о повелитель, – ответил Келб.

– Так ступай туда и спрячься, – сказал Джим. – Я призову тебя, как только кое-что обдумаю. И запомни, я не обещаю тебе защиты. Я не покровительствую каждому.

– Не сомневаюсь, мой повелитель, – смиренно произнес Келб.

– Тогда ступай. Как только буду готов, я призову тебя. – Джим поднялся. – Мы потратили слишком много времени, – сказал он гоблину. – Возвращаемся в Пафос, к сэру Уильяму Братнору.

Джим зашагал по берегу, обходя мыс, за которым лежал Пафос – полудеревня-полугород, населенный в основном местными греками. Население Пафоса было разбавлено потомками крестоносцев, которые, не добравшись до Святой Земли, раз за разом оседали на Кипре. Пришельцы процветали, понастроив домов по европейскому образцу. Не замки, конечно, но вполне благоустроенные жилища. В одном из таких домов Джим нашел временное пристанище. Владелец дома, сэр Уильям Братнор, как истинный представитель высших слоев европейского общества, предоставил кров и стол Джиму, признав в нем человека своего круга.

– Может быть, ты хочешь, чтобы и я называл тебя повелителем, милорд? – робко подал голос Гоб из потайного кармана плаща Джима.

– Ну что ты. Ни в коем случае, – ответил Джим.

– Ты не дашь меня в обиду? Я для тебя не каждый?

– Конечно, нет. Ты – мой Гоб из Маленконтри.

– Конечно, – довольно повторил Гоб. Он обхватил Джима за шею и гордо выпрямился.

Глава 7

– Вот ты где, сэр Джеймс! – воскликнул сэр Уильям Братнор. Хлопая полами восточного шелкового халата по голениям, он вошел в комнату Джима. – А я тебя везде ищу.

– Я прогуливался по берегу моря. Зашел за мыс. Сегодня прекрасный день.

– Становится жарковато. Какая уж там прогулка! Но ты опоздал к обеду. Надеюсь, ты распорядился, чтобы тебе чего-нибудь принесли?

– Да нет. Как-то не пришло в голову.

– Ничего страшного. Ничего страшного, – заторопился сэр Уильям.

Он был широк в плечах и невысок ростом. Но не грузен, несмотря на возможный избыток веса. На загорелом и сморщенном от солнца квадратном лице выделялись седые усы и начинающие сесть брови. Хотя он и выглядел лет на сорок, стремительности ему было не занимать.

– Я забираю тебя с собой в кофейный домик, – продолжил сэр Уильям. – Он у нас под одной крышей с баней. Для добрых христиан сыщется отменная еда и приличное вино. Кроме проезжих, в домике обычно никого не бывает. Да кстати, мы нашли твоего приятеля. сэра Бруно.

– Ты имеешь в виду сэра Брайена? – спросил Джим.

– Этого рыцаря я и имею в виду, – ответил сэр Уильям. – Невилл-Смита. Я запомнил его больше как Невилла. Ведь ты говорил, он из тех Невиллов, что живут в Рейби?

– Да-да, – заспешил Джим. – И где же он?

– Где? В рыбацкой деревушке на берегу моря, чуть дальше епископства. В замке сэра Мортимора Брейгеля. У того есть пара галер, и он время от времени промышляет пиратством. Больших доходов это не приносит, но на жизнь хватает. Да сэру Мортимору много и не нужно. Ему бы только сидеть в своем зале, играть в кости и потягивать вино. Однако мы заговорились. Пойдем...

Сэр Уильям неожиданно осекся. Он увидел собаку у ног Джима.

– Господин, – заговорила собака, не обращая внимания на сэра Уильяма, – если мне будет дозволено сказать...

– Сейчас же убирайся, – отрезал Джим. Он узнал Келба. – Я займусь тобой позже.

– Да это джинн! – вскричал сэр Уильям. – Сэр Джеймс, я оказал тебе посильное гостеприимство и никоим образом не стеснял тебя. Но джинн! Как тебе пришло в голову привести его в мой дом? Может быть, ты знаешь, как от него теперь отделаться? Обычный священник тут не поможет. Здесь нужен мусульманин, а когда отыщешь какого-нибудь мусульманина, окажется, что он недостаточно свят, и начинай все сначала. Нет уж, лучше иметь дело с обыкновенным привидением или гоблином. С ними, по крайней мере, не попадешь впросак.

– Не волнуйся, сэр Джеймс, – сказал Джим. – Я заберу этого джинна с собой. Ты нашел сэра Брайена и, надеюсь, извинишь меня, если я отправлюсь в путь, не теряя времени. Мне нужно встретиться с сэром Брайеном как можно скорее.

– К чему такая спешка? Ты забыл про кофейный домик.

Мозг Джима лихорадочно заработал. Не так просто найти подходящий предлог, чтобы избавиться от сэра Уильяма. Какой уж там кофейный домик с его винами и блюдами, пусть даже европейской кухни! Да еще при бане! Наконец Джима осенило.

– Ты конечно, слышал о сэре Джоне Чендосе?

– О Чендосе? – переспросил сэр Уильям. – Конечно.

– Нужно ли тогда что-нибудь добавлять к сказанному? – дипломатично ответил Джим, одарив своего собеседника самым таинственным взглядом, на который только был способен.

– Ну, раз так... Думаю, ты прав. Жаль, однако. Ты бы пришел в восторг от кофейного домика.

– Не сомневаюсь, – согласился Джим. – Ты не представляешь, как мне жаль, что я не смогу побывать в нем. Тебе пришла отличная мысль захватить меня с собой.

– В это время в домике собирается изысканное общество. Жаль, что у тебя нет времени. Но что поделаешь. Я пришлю к тебе человека. Он расскажет, как добраться до епископства и найти замок сэра Мортимора.

Сэр Уильям вышел из комнаты так же внезапно, как и появился.

– Келб! – позвал Джим. Перед ним появилась собака.

– Что случилось? – спросил Джим.

– Джинны всегда добиваются своего, – самодовольно проговорил Келб.

– Не сомневаюсь, – нетерпеливо сказал Джим. – О чем ты хочешь сообщить мне?

– Путями, известными лишь нам, джиннам, я узнал, что ты разыскиваешь себе подобного. Я нашел его. Он в башне близ маленькой деревушки на берегу моря, за епископством. Теперь ты видишь, каким полезным слугой я могу стать тебе, о могущественный?

– Я не уверен в этом, – сказал Джим. – Может быть, ты крутился в своей собачьей шкуре в епископстве у кухонной двери в ожидании объедков и подслушал болтовню слуг о том, что разыскиваемый мною рыцарь находится в том месте, о котором ты мне поведал.

– Разве слуги болтают о таком? – сказал Келб. – А если бы и болтали, было бы невероятным совпадением, что они завели разговор о твоём рыцаре именно при мне.

– Не надо оправдываться. Я уже говорил, что сообщу о своем решении относительно тебя. А пока уходи.

– Ухожу, господин, – сказал Келб.

* * *

Маленькая лодка под большим треугольным парусом, давно утратившим изначально красный цвет, шла на юго-восток, огибая Кипр. Находившемуся на борту Джиму ничего не оставалось, как мириться со зловонием, которое, казалось, пропитало насквозь все суденышко.

Лодка держалась берега – встреча с пиратами не сулила добра. Хозяин судна, черноволосый и черноглазый жизнерадостный грек, и три его сына» составлявшие весь экипаж, вряд ли могли противостоять неприятелю. Хозяин объяснил Джиму, что намеренно ведет лодку мелководьем. Пиратские суда тяжелы, и вздумай они атаковать лодку у берега, им не обобратиться хлопот.

– Но ведь у берега не везде мелко, а пираты могут появиться в самый неподходящий момент, – заметил Джим и почувствовал, как устроившийся в потайном кармане плаща Гоб зашевелился. Джим насторожился. Как бы тот не высунул голову и не встрял в разговор. Но все обошлось, гоблин снова затих.

– Тогда нам придется спасаться бегством, – мрачно заключил хозяин, пожимая плечами. – Это лучше, чем оказаться распятыми или посаженными на кол, если они нас схватят.

Джим с трудом поддерживал разговор. Покинув Англию в поисках Брайена, он не в первый раз оказывался в море и уже решил было, что не подвержен морской болезни. Какими только средствами передвижения он не пользовался! Мало того что его болтало на море, много часов он провел в седле, передвигаясь по земной тверди. Сколько раз он менял лошадей, покупая их в одном месте и продавая в другом. Передвигался он и по воздуху – в обличье дракона, – но чаще всего ночью, скрытно от посторонних глаз. Да еще проделал часть пути с помощью гоблина, который даже тонкую струйку дыма мог превратить в средство передвижения.

Было, конечно, соблазнительно добраться с Гобом на струйке дыма до самого Кипра. Но Джим предпочел следовать путем Брайена. В этом средневековом мире случалось всякое.

Брайена могли взять в плен, заточить в тюрьму, ранить или даже убить. И Джим задерживался в городах, где собирался остановиться Брайен, и разыскивал людей, у которых Брайен рассчитывал найти временное пристанище. Следовало убедиться, что по пути на Кипр с Брайеном ничего не произошло.

А Гоб оказался неплохим товарищем. Джим взял с собой гоблина по настоянию Энджи и ни разу не пожалел об этом. Да и Энджи так спокойнее. Случись что в дороге, гоблин мигом сообщит в Маленконтри.

Джим считал, что, используя средства передвижения, обычные для простых смертных, он, по крайней мере, делается невосприимчив к морской болезни. Ничего подобного. Маленькая лодка, пляшущая на прибрежных волнах, почти доконала его. Конечно, он не лежал пластом, но постоянное чувство тошноты действовало на нервы и мешало сосредоточиться.

– Бегством так бегством, – проговорил Джим, продолжая мысль хозяина суденышка. – Действительно, придется повернуть к берегу и бежать. А что, если пираты начнут преследовать нас на своем корабле или спустят лодку? Что станется, к примеру, со мной, если они возьмут меня в плен?

Джим знал, что в Европе за богато одетого человека обычно требуют выкуп.

Хозяин лодки пожал плечами:

– Сначала с тебя снимут все самое ценное, а потом ты разделишь нашу участь.

– Если нас будет преследовать всего лишь какая-то лодка, а мы будем держаться вместе, то, может быть, сумеем отбить нападение, – предположил Джим.

Хозяин лодки энергично кивнул. Джим воспрял духом, но тут же вспомнил, что означает этот жест. Он никак не мог привыкнуть к тому, что на Ближнем Востоке кивок означает «нет», а покачивание головой – «да».

И все-таки Джим почувствовал некоторое облегчение. Если сыновья под стать отцу и не захотят принять бой, у Джима будут развязаны руки. Останется позаботиться о самом себе и о Гобе. Улучить момент, спрятаться и превратиться в дракона. Их с Гобом не догонят никакие пираты.

Опасения Джима оказались напрасными. Пираты так и не появились, а морская болезнь не зашла далеко. И все-таки Джим почувствовал себя гораздо увереннее, ступив на каменистый берег у замка сэра Мортимора. Джима не смутили даже явно поджидавшие его шестеро весьма свирепых на вид вооруженных людей, облаченных кто в стальные, кто в кожаные доспехи. Издали они походили на братьев хозяина лодки, только напрочь лишенных его жизнерадостности. Не успел Джим сделать несколько шагов, как к его горлу приставили меч.

– Убери оружие, или я прикажу тебя высечь, – властно произнес Джим. Надо было показать, что он важная персона. – Немедленно пошли кого-нибудь в замок. Я – сэр Джеймс Эккерт де Маленконтри, Рыцарь-Дракон. Я хочу повидать сэра Брайена, который гостит здесь. Передай это сэру Мортимору или сэру Брайену. Я приказываю.

Джим провел достаточно времени в новом для него мире, чтобы иметь некоторое понятие о том, как действовать в сложившейся ситуации. Богатая одежда и начальственный тон могли решить все.

Сэр Эккерт знал, что делал. Человек, угрожавший ему мечом, хотя и не опустил оружие, все же немного попятился и крикнул одному из своих людей, чтобы тот бежал в замок и известил сэра Мортимора о прибытии гостя.

– Пойдем, сэр Дракон, – сказал человек с обнаженным мечом. – Пойдем с нами.

Джима повели вверх по пирамидально наклонному берегу. Здесь и там ютились небольшие строения, наполовину жилища, наполовину склады. На шестах сохли рыбацкие сети, на протянутых веревках вялилась рыба. За древней дорога круто брала вверх, а подход к замку напомнил Джиму американские горы. И наконец последний подъем. Снятая уступами земля обнажала камни, превратившиеся в ступени лестницы.

Замок оказался всего лишь башней, простенькой, на первый взгляд, крепостью, окруженной хлипкими деревянными постройками. Но при ближайшем рассмотрении Джим понял, что крепость не так уж ненадежна. Башня была сложена из голубовато-серых каменных блоков, а входная дверь выглядела достаточно прочной. Предводитель отряда заколотил в дверь, сопровождая стук зычным криком. Дверь открылась, и вновь прибывшие ступили в небольшой узкий коридор с каменными стенами, ведущий к другой двери, такой же массивной, как и первая.

Джим взглянул наверх и увидел отверстия в потолке, пригодные для того, чтобы лить сверху какую-нибудь гадость вроде кипящего масла на головы незадачливых молодчиков, провавшихся через входную дверь. В отверстия могли пролезть и раскаленные железные прутья, так что пространство между двумя дверьми при случае могло оказаться смертельной ловушкой для незваных гостей.

Джиму западня не грозила, и, миновав коридор, он вместе с эскортом оказался за второй дверью, во внутреннем помещении башни. Здесь было темно, лишь где-то впереди маячило пятно света. Конечно, этому замку далеко до Маленконтри!

Источником света оказалась открытая шахта, поднимавшаяся по центру башни до отверстия в крыше, через которое виднелись лоскут голубого неба и часть башенных зубцов. Не вызывало сомнения, что в непогоду отверстие закрывали. Сейчас оно было открыто, и солнечные лучи, отражаясь от каменных стен, вносили посильную лепту в освещение замка. Внизу, на стенах, горели факелы. Джима подвели к винтовой лестнице.

На третьем этаже Джеймс увидел сидящего за столом Брайена. Он был не один. Рядом сидел высокий худошавый человек с кислым овальным лицом и поникшими усами, обрамлявшими сверху его тонкие губы. Он менее всего походил на воина. Скорее напоминал ученого, ушедшего на покой.

– Джеймс! – вскричал Брайен, вскакивая из-за стола. Вслед за Брайеном медленно, чуть ли не с превеликим трудом поднялся и его сосед. Можно было подумать, что он далеко не молод, по крайней мере, намного старше Брайена.

Но когда незнакомец встал, Джим понял, что первое впечатление было ошибочным. Медлительность поднявшегося перед Джимом во весь рост человека проистекала, скорее всего, от обычной ленности. Незнакомец оказался выше не только Брайена, но и самого Джима. Теперь перед Джимом был не какой-то старец, а мужчина в расцвете сил. Его рост был не менее шести с половиной футов, а мускулистое тело наводило на мысль, что его обладатель не только силен, но и проворен.

– Ты не представляешь, как я рад тебе, Джеймс, – продолжал Брайен. – Как вовремя ты появился. Позволь представить тебе сэра Мортимора Брейгеля.

Церемониал был знаком Джиму. Он низко склонил голову. Поднявшийся из-за стола человек ответил тем же.

– Почитаю за честь познакомиться с тобой, сэр Мортимор, – произнес Джим.

– Почитаю за честь познакомиться с тобой... – начал сэр Мортимор раскатистым басом и замолчал.

– Прошу прощения. – Брайен почти ошалел от счастья. – Сэр Мортимор, перед тобой достопочтенный барон сэр Джеймс Эккерт, Рыцарь-Дракон, о котором я тебе столько рассказывал.

– Не один ты. Рад видеть тебя, сэр Джеймс. Как заметил сэр Брайен, ты появился в добрый час. Прошу тебя, садись. Могу ли я предложить тебе вина и мяса?

Джим еще не отошел от болтанки. Но отказаться от приглашения сэра Мортимора было бы попросту неприлично. Да и приняли Джима как нельзя лучше. И он присоединился к сэру Мортимору и Брайену. Все трое уселись рядом, заняв места за одним из концов длинного стола. Обстановка комнаты была простой. В помещении, как, похоже, и во всем замке, имелось только самое необходимое. Чем не Маленконтри тех времен, когда они с Энджи только-

только поселились там, подумал Джим. Предыдущий владелец замка лишь изредка наезжал туда, когда требовали дела в близлежащей округе.

Джим отхлебнул вина из наполненного до краев большого квадратного кубка и отправил в рот кусок хрящеватого мяса, по вкусу – баранины.

Не без труда справившись с мясом, Джим поднял глаза на сотрапезников:

– Вы оба сказали, что я приехал как нельзя вовремя. Что за счастливый час вы имели в виду?

– Такая возможность может представиться только раз в жизни, – выпалил Брайен. – Вряд ли тебе доводилось скрестить мечи с Сэлли Роувером.

Джим медлил с ответом. Он старался сообразить, о ком идет речь. Наконец вспомнил – так называли марокканских пиратов. По словам сэра Уильяма Братнера и его друзей, рыцарей, с которыми Джим встречался на Кипре, Марокко – настоящее пиратское гнездо.

– Лично мне не доводилось, – с воодушевлением продолжал Брайен. – Да, никогда не думал, что подвернется такой случай. А тут прошел слух, что эти пираты вот-вот объявятся под стенами замка. Сэру Мортимору удалось остановить несколько торговых судов, шедших с Востока, – а владельцы грузов взроптали и наняли шайку марокканских дьяволов, чтобы покончить с сэром Мортимером и разрушить его замок.

Бедные торговцы, подумал Джим. В переводе на язык законопослушных людей из речи Брайена следовало, что сэр Мортимор просто-напросто ограбил несколько судов, а судовладельцы и отправители грузов решили прекратить произвол на море у берегов Кипра, для чего и наняли пользующихся худой славой марокканцев.

С другой стороны, думал Джим, нравственность в океане не в почете, а в Средиземном море ею вообще не пахнет. Сильный берет верх над слабым и бежит от более сильного.

Сэр Мортимор сам кормится разбойничьим промыслом. Вряд ли он так уж мечтает сразиться с марокканскими пиратами. Вот Брайен – другое дело.

С него станется ввязаться в любую драку. А если выйдет сухим из воды, закатит в Европе целую историю на зависть восторженным слушателям.

Конечно, если быть честным до конца, Брайен рвется в бой ради самой схватки. Джим хорошо знал Брайена и понимал его возбуждение. История о приключении Брайена будет потом, только вряд ли она избежит социальной оценки случившегося из уст рассказчика.

Однако промелькнувшие в голове Джима мысли были не из тех, которые можно высказать вслух. Его бы здесь просто не поняли. Джим улыбнулся. Следовало показать, что он не только заинтересован в предстоящем деле, а горит от нетерпения принять в нем участие.

– Вот это да! – воскликнул Джим. – И вы говорите, этих пиратов можно ожидать с часу на час?

– Мы выставили на башне дозорных. Они не спускают глаз с моря ни днем, ни ночью, – произнес сэр Мортимор своим удивительным басом.

Джим сидел рядом и готов был поклясться, что сэр Мортимор говорит в своей обычной манере. Тем не менее казалось, что его голос отражается от стен за спиной Джима и разносится эхом по всему замку. Разобрать, о чем говорит сэр Мортимор, можно было и за двадцать футов, даже если между сэром Мортимором и его невольным слушателем оказалась бы толпа людей, разговаривающих на самых повышенных тонах.

– Пока пиратов не видно, – продолжал сэр Мортимор, – хотя паруса и мелькают в море. Возможно, марокканцы придут на галерах, без парусов, на одних веслах. Но в такую ясную погоду их заметят издали, и мы успеем подготовиться к встрече. А пока, сэр Джеймс, не сыграть ли нам всем троим в кости?

– Прошу извинить меня, сэр Мортимор, – сказал Джим. – Ты, должно быть, слышал от сэра Брайена, что я маг. А при определенных обстоятельствах искусство магии требует отрешения от мирских удовольствий. Кстати, Брайен, мне есть что тебе передать от леди Геронды,

да и от моей жены, леди Анджелы, тоже. А пока я просто посижу и с удовольствием понаблюдаю за вашей игрой.

– Жаль, жаль. Но я понимаю тебя, – протянул сэра Мортимор.

Джиму показалось, что в его голосе прозвучала нотка сожаления, схожая с разочарованием прожженного картежника, беспомощно взирающего, как от него уплывает не искушенная в игре богатая жертва.

– Да Бог с ней, с игрой, – неожиданно передумал сэра Мортимор. – Может быть, ты хочешь ознакомиться с тем, что мы приготовили этим разбойникам, когда они высадятся? Мы только что говорили об этом с сэром Брайеном.

– С удовольствием, – ответил Джим.

– Тогда пойдем, – сказал сэра Мортимор, поднимаясь из-за стола.

Все трое прошли к лестнице и поднялись на крышу – круглую каменную площадку, окруженную зубчатой стеной. В середине площадки зияло отверстие, предназначенное для доступа в башню света и воздуха. У самой стены со стороны моря Джим заметил и другое отверстие в крыше, явно располагавшееся над коридорчиком с дырками в потолке.

Наружу выходило пять печных труб, более шести футов высотой каждая, а на самой площадке громоздился большущий закопченный металлический котел с топкой под днищем. Сэру Мортимору было где кипятить масло для увещевания неприятеля.

Рядом с котлом стояла рама с подвешенным на ней бронзовым кругом около четырех футов в поперечнике. Не что иное, как гонг, решил Джим, заметив прислоненную к раме кувалду.

По сторонам гонга стояли дозорные. Оба следили за морем. Вдалеке от берега там и сям виднелись белые пятнышки парусов, но это вряд ли были пиратские галеры – дозорные не били тревогу.

Но они оба повернулись на шум за спиной. Сэра Мортимор указал пальцем в сторону лестницы. Стражей как ветром сдуло.

– Я сообщу им о своих планах, как только сочту возможным, – сказал сэра Мортимор, понизив голос.

Обойдя вентиляционную шахту и оставив за спиной заслонявшие вид на море трубы, все трое остановились у ограждения.

– Оцените нашу диспозицию, господа, – предложил сэра Мортимор.

Высота казалась головокружительной. Сама башня была сложена в четыре, от силы в пять этажей. Но она стояла на вершине скалы, громоздившейся в углублении нависшего над ней козырьком подковообразного нагорья, дугообразными отрогами уходившего к морю. Ощущение высоты усиливали обрывающаяся вниз от подножия башни лестница с каменными ступенями и извилистая дорога, скатывающаяся дальше к берегу. Джиму казалось, что он смотрит вниз с обрыва высотой не менее чем в полмили.

Конечно, это была иллюзия. Джим знал, что находится не так уж высоко над уровнем моря. И все-таки деревянные постройки, цепляющиеся за уходивший из-под ног каменистый склон, казались гораздо ближе того расстояния, которое отделяло их от подножия башни. Джим будто смотрел в телескоп, озирая дальние окрестности невооруженным глазом с высоты своего местоположения.

Дугообразные отроги нагорья обрывались у моря, образуя два мыса, между которыми теснилась горловина небольшого заливчика – его волны лениво лизали гальку отступившего в глубину берега. Сами отроги казались почти безжизненными. Лишь кое-где виднелась чахлая растительность, да несколько овец не спеша передвигали ноги в поисках корма.

Голубая поверхность все еще спокойного моря сливалась с полукруглой линией горизонта. Едва различимые суденышки, казалось, еле двигались по морской глади, совершая, скорее всего, каботажное плавание.

– Я поджидаю не менее двух больших галер, – сказал сэра Мортимор. – Каждая берет на борт до двухсот солдат. Вместе с экипажами численность головорезов может достичь пятисот человек. Когда высадутся, они прежде всего сожгут деревню и перебьют всех, кто окажется на их пути. А потом попробуют подняться на нагорье, чтобы атаковать замок сверху. Но сделать это не так просто. Крутые склоны и скользкая трава не очень располагают к подъему. Пока поднимаются, они потеряют нескольких человек, а поднявшись, убедятся, что бомбардировать замок сверху – пустое дело. Сзади башня прикрыта каменным козырьком.

– Может быть, у пиратов есть греческий огонь, – подал голос Брайен.

– Греческий огонь пока еще за семью печатями, в Константинополе, – пояснил сэра Мортимор. – У пиратов его нет. Нет и бомбард. Порох, может, и найдется. Они могут обложить им основание башни и произвести взрыв. Но каменные стены надежны, толщина их от шести до десяти футов. Как-то башню пытались подорвать, да ничего не вышло. Вот сжечь деревню пираты действительно могут. А нас опасность подстерегает со стороны лестницы. Головорезы могут подняться по ней и взломать входную дверь.

– Но за ней их ждет неприятный сюрприз, – сказал Брайен.

– Они потеряют много людей. Но если не отступят, то выломают и вторую дверь. И тогда мы погибли. Действовать придется по обстановке, но решения буду принимать я, господа. Я отдаю дань вашему военному опыту и умению владеть оружием, но это мой замок, и я поступлю так, как посчитаю нужным. Если пираты взломают входную дверь, если их не остановит котел с маслом и если, наконец, они будут близки к тому, чтобы выломать и вторую дверь, нам придется предпринять вылазку.

– Вылазку? – удивился Брайен.

– В нашем распоряжении ведущий к берегу потайной ход. Из деревенских мужланов и своих людей я соберу отряд человек в полтораста. С сотней из них мы нападём на неприятеля с тыла, неожиданно, ночью, когда эти головорезы расположатся на отдых в полной уверенности, что их жертвы попали в загон, и в предвкушении расправы с нами. Если нам удастся застать пиратов врасплох, они решат, что на выручку осажденным прибыл отряд, например из епископства, и, не будучи искушенными в драке на суше, побегут к своим галерам.

– Прошу прощения, – обратился сэра Брайен к сэру Мортимору, – а в какую сторону ведет потайной ход?

Сэра Мортимор снисходительно улыбнулся.

– Это я еще могу показать. А все остальное – фамильная тайна. Туда. – Сэра Мортимор махнул рукой вправо.

– Выход не так уж и далеко. Не далее пятидесяти ярдов. На берегу у подножия обрыва высокие скалы. Есть где спрятаться. Ты сможешь дать мне шестьдесят человек, и я сожгу эти галеры или, по крайней мере, выведу их из строя, – сказал Брайен.

– Это как раз то, что я бы поостерегся делать, сэра Брайен, – ответил сэра Мортимор. – Если пираты лишатся своих галер, им придется остаться здесь, хотя бы они того или нет. Но и нам следует предусмотреть такой поворот событий. Пираты намного многочисленнее нас. Соотношение противоборствующих сил может составить пять к одному. Головорезы будут драться не на жизнь, а на смерть. И в конце концов они доберутся до замка, да и до нас тоже...

Пронзительный крик из вентиляционной шахты, сопровождаемый шумом голосов, прервал рассуждения сэра Мортимора.

– Что еще за дьявольщина! – взорвался сэра Мортимор.

Его мощный голос эхом отразился от обрывов. Сэру Мортимору понадобилось всего четыре шага, чтобы достичь лестничного проема и нырнуть в люк.

Глава 8

Джим и Брайен остались одни.

– Брайен, – заговорил Джим, – теперь моя очередь ввести тебя в курс дела. Сэр Джон Чендос помог удовлетворить прошение об опеке над Робертом Фалоном и привез королевскую грамоту. Меня больше ничто не удерживало в Маленконтри, и вот я здесь, на Кипре.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.